

УЛЬЯНА МУРАТОВА

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БОЛЛАРОВ:

ПРОКЛЯТИЕ

СНОВА МЕЖДУ НАМИ

Ульяна Муратова

Проклятье снова между нами

«Автор»

2026

Муратова У.

Проклятье снова между нами / У. Муратова — «Автор», 2026

ВТОРОЙ ТОМ. Отдельно читать нельзя. Я — гарнизонная целительница из разорившегося рода. Он — пилот с блестящими карьерными перспективами. Нас разделяет многолетняя вражда семей. Мой отец опозорил его мать и едва не стал причиной её гибели, в отместку она прокляла весь наш род. Нам запрещено даже думать друг о друге, а проклятье не позволит быть вместе. Правда, есть одно «но»...

© Муратова У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 23	5
Глава 24	14
Глава 25	20
Глава 26	27
Глава 27	35
Глава 28	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ульяна Муратова

Проклятье снова между нами

Глава 23

Первое новебриля. Полдень Лунара Боллар

Мы с Аделью решили сделать немислимое — скрыть исчезновение Лиоры от Брена, пока не будут известны все подробности.

В части царила напряжённая атмосфера — все чувствовали, что произошло нечто странное, однако никто не понимал, что именно, а двое дежурных, которых опоил снотворным Дервин и привела в чувства я, находились в карцере и не могли распространять слухи.

Обнаруживший их караул тоже молчал, но уже по настоянию Кеммера Блайнера.

Командор вёл расспросы осторожно и особенно напирал на секретность, поэтому обстановка ошутимо накалялась: каждый по отдельности уже подозревал, что Дервин наворотил дел, однако вслух об этом никто пока не говорил. Многие уже догадывались, что он связан с исчезновением Лиоры, но пока что не понимали, как именно.

На протяжении всей прошлой ночи я не находила себе места. Как вечером обнаружила отсутствие Лиоры в наших покоях, так и не могла унять нервное сердцебиение.

Где сестра? Что с ней? Не пострадала ли?

Каждый раз, когда нужно было отправиться в столовую, хотелось спрятаться в медблоке, но я старалась держать голову выше, вести себя нейтрально и игнорировать алчно вопрошающие взгляды: если бы поддалась панике, сделала бы только хуже в первую очередь самой Лиоре. Не хватало ещё, чтобы ей мыла кости вся эскадрилья. Это с виду они все статные благородные офицеры настоящие или будущие, а на деле некоторые — сплетники похуже светских кумушек, особенно если дело касается чести юной аристократки.

Когда после нескольких часов поисков Лиора так и не нашлась, мы с Аделью уговорили командора Блайнера обратиться за помощью к Десару и Кайре, ради чего пришлось выдернуть тех с банкета по случаю бракосочетания принцессы.

Только ничем это не помогло — нас с Аделью всё равно вернули в авиа часть и томили в безвестности.

Сразу же после появления первых новостей из Ретера командор Блайнер организовал маголёт, но отказался брать меня с собой, обосновав тем, что оставлять беременную Адель в качестве единственной целительницы в части — неправильно ни с этической точки зрения, ни из соображений безопасности. Вдруг прорыв, а в эскадрилье медиков нет?

Как бы тяжело ни далось такое решение — пришлось отпустить ситуацию и довериться командору. Довериться, несмотря на их родство с Дервином. Оставалось надеяться, что он поступит по совести, ведь она у него есть. Куцая казённая командорская совесть, как любила шутить Адель, которой, впрочем, теперь стало не до смеха.

Ожидание тянулось невыносимо долго. С момента, как Витальд Местр сообщил командору, что Дервин и Лиора находятся в Ретере, не поступало никаких новостей, хотя, по нашим с Аделью расчётам, маголёт с разгневанным родственным десантом из столицы давно должен был приземлиться там.

Не случилось ли чего в пути?

По всему выходило, что Дервин Лиору всё же похитил, иначе ему не пришлось бы опаздывать дежурных, с ними прекрасно справилась бы сестра. Мне было ужасно страшно за неё,

такого чудовищного поступка от нобларда никто не ожидал, особенно учитывая, сколь многим тот обязан сестре. Вот и вся благодарность Местра, получается. Назревающий скандал — это минимум. По-моему, последней похищенной ноблариной была принцесса Лоарельская, и с тех пор было тихо... до вчерашнего вечера.

Мне не хотелось верить, что сестра сама согласилась на подобное сумасбродство, всё же она старалась вести себя разумно и избегать любого контакта со своим проблемным пациентом. Однако я всё равно чувствовала, что между ними что-то происходит. Это сквозило в его ненароком брошенных взглядах и её жестах, в том, как в их присутствии густела от недосказанности тишина.

Теперь я старалась предугадать последствия, чтобы хоть как-то подготовиться к ним: сделала список и под каждым вариантом расписала программу возможных действий. Как помочь Лире, как защитить её от осуждения общества, как преподнести случившееся Брену так, чтобы он не слетел с катушек окончательно.

Как ни крути, ситуация получалась крайне гадкая. Я очень надеялась, что Дервин достаточно хорошо воспитан, чтобы не причинить Лиоре физического вреда, однако и такой вариант развития событий больше не исключала. Мог ли он опохмелить ещё и её? В конце концов, товарищей по службе он не пощадил...

— Думаю, Дервин просто сделал глупость... — в который раз начала Адель, садясь за свой рабочий стол.

— Опорочить репутацию незамужней нобларины — это не глупость, а акт презрения, — в который раз парировала я.

— Уна, нравы уже давно не настолько строги, — пыталась убедить меня сестра.

— Да? Неужели? Не ты ли сама изо всех сил скрывала вашу с Кеммером добрачную связь? А зачем? Нравы-то давно не настолько строги! — скептически заметила я.

Адель замолчала, чуть порозовев. Беременность шла ей необыкновенно: и без того прекрасные черты лица чуть-чуть смягчились, а глаза наполнились нежным сиянием, придавшим ей особый шарм.

Она всегда была одной из самых красивых среди нас, а теперь, пожалуй, стала краше Эвы. Однако чего не изменила беременность, так это упрямства, поэтому Адель продолжала гнуть свою линию:

— И всё же с каждым годом послаблений всё больше. Многие женщины меняют любовников, как перчатки, и общество смотрит на это сквозь пальцы.

— Общество смотрит сквозь пальцы на развлечения богатых вдов. Нищие незамужние нобларины по-прежнему должны играть по строгим правилам, — отрезала я. — А проклятые нищие незамужние нобларины из древних родов вообще не имеют права на ошибку.

— Да ладно тебе... После всех выходов Кайры никто не ждёт от нас безукоризненного поведения, — грустно улыбнулась сестра. — Предполагаю, что Дервин просто решил снять с Лиоры проклятие, поэтому и увёз её.

— Думаешь, Моэра Местр оставила для себя лазейку? — пытливо спросила я.

— Не знаю. Возможно...

— В таком случае её поведение было бы чистым, дистиллированным издевательством... По утверждениям ваших с Кайрой мужей, никакой лазейки нет, — напомнила я.

— Утверждения наших мужей берутся из утверждений самой Моэры, но не забывай, что они ей всё же не родные сыновья, а племянники.

— А если Лира с Дервином всё же поженятся? — опустошённо спросила я, поднимая со стола папочки и выравнивая их рядом так, чтобы лежали аккуратнее.

— Брен с ума сойдёт... — констатировала Адель, и мы тоскливо замолчали.

— Страшно об этом подумать... если даже чисто теоретически представить, что они... Надеюсь, у Лире есть хоть какие-то мозги, и она понимает, что в комплекте с таким мужем, как Дервин, идёт такая свекровь, как Моэра Местр.

— Ну так Лире не со свекровью жить, — возразила Адель, заправив за ухо светлую прядь. — И не с нашим братом, если уж на то пошло. Не Брену каждый день ложиться в постель с тем, кого он выберет ей в мужья, тут Кайра права. Если бы я послушала его, то была бы сейчас глубоко несчастна. Даже представить тошно, что ко мне прикасается какой-то другой мужчина, кроме Кеммера, — сестру аж передёрнуло от отвращения. — Если у Дервина с Лиорой чувства...

— Ну какие чувства? Полторы ночи знакомы, какие там чувства-то? — раздосадованно спросила я. — Ну, кроме чувства противоречия и желания всё сделать наперекор?

— Ты слишком категорична, — ответила Адель. — Чувства могут вспыхнуть за минуту, а могут не разгореться даже после множества попыток их разжечь за годы брака. Вот сама влюбишься, тогда и поговорим.

— Я позволю себе влюбиться только после заключения брака и только в мужа, — отрезала я. — И только если он будет серьёзным, рассудительным, благовоспитанным и ответственным ноблардом, ориентированным на семейные ценности.

Адель насмешливо фыркнула и демонстративно закатила глаза, но я-то прекрасно понимала, кто может мне понравиться. Кстати, если уж на то пошло, сама Адель именно такого супруга и выбрала, зато теперь сидит и строит из себя авантюристку из любовного романа.

Обидно, когда сёстры считают тебя занудой только за то, что ты вслух озвучиваешь очевидные и правильные вещи, которые они сами же и делают! Вон Кайра тоже не за ничего необразованного полуночника вышла, а за нобларда и высокопоставленного офицера СИБа.

Вообще, раньше я бы даже заикаться о браке не стала, ведь снятие проклятия казалось невозможным, но в свете происходящего в личной жизни других сестёр почему бы не порассуждать теоретически?

Хотя кому я нужна? Кто станет рисковать, чтобы снять с меня проклятие?

Никто.

Я же прекрасно вижу, КАК на Адель и Лире смотрят мужчины, хотя первая — замужем и беременна, а вторая — не менее проклята, чем я. Да тот же Дервин и его друзья. Лиора для них «Лирочка», а я — «эта, как там её, вторая скучная близняшка». С другой стороны, вот сестра расточала всем подряд улыбки — и дорасточалась. Пусть лучше на меня никто не обращает внимания, чем со скандалом похищают из эскадрильи.

А с тем, что мне, возможно, не суждено выйти замуж и иметь детей, я как-нибудь смирюсь. Своих племянников я заранее люблю, и когда Адель родит, постараюсь быть рядом и помогать во всём. В конце концов, кто-то должен будет привить им хорошие манеры, пока их родители носятся туда-сюда на маголётах.

— Может, ляжешь? — спросила я у сестры. — Тебе нужен режим соблюдать.

— Я всё равно не смогу уснуть, слишком волнуюсь, — отозвалась Адель.

— Наложу на себя заклинание. Если понадобится — я разбужу.

За окном уже всюду светило солнце, да и уставать сестра стала гораздо сильнее, чем обычно, поэтому теперь она колебалась: послушать меня или бдеть в ожидании новостей.

— Иди. Спи. Ты будущая мать, ты должна уметь расставлять приоритеты. Мы всё равно ни на что не можем повлиять. Я тоже лягу подремать, только переговорник оставлю включённым на всякий случай.

Адель наконец сдалась и признала очевидную необходимость нормального дневного отдыха для беременных. А я ещё раз обошла медблок, убеждаясь, что всё чисто и прибрано.

В больших госпиталях при Разломе есть санитарки, но в связи с постоянными прорывами весь гражданский персонал из нашей авиачасти эвакуировали ещё в конце весны, а командор

распорядился привлекать на несложные работы курсантов. Хотя лично я любила убираться и всё расставлять по местам. Пока руки заняты, мысли упорядочиваются тоже, и в итоге всюду царят чистота и гармония — и в голове, и в работе, и в доме.

Я пробежалась по воображаемому списку обычных дел и с удивлением отметила про себя, что жреца почему-то сегодня не видела, а ведь обычно он любит проводить время в медблоке. И спит он последние месяцы плохо, поэтому так часто приходит именно днём, когда дежурю я.

Собственно, так мы с ним и подружились. Он страдал бессонницей, а я могла без раздражения слушать его истории из прошлого. Страшно подумать, что он родился ещё в начале прошлого века и помнит мир, каким он был без магомобилей и маголётов.

Я выбрала дневные смены специально — чтобы Адели и Лиоре было легче справляться вдвоём по ночам, в более привычное время, хотя чаще всего мы все же подменяли друг друга и старались не находиться в медблоке толпой, а давать друг другу отдых. Адель вставала вместе с Кеммером — ещё засветло — и сменяла меня первой, а Лира, наоборот, любила засиживаться за полдень. Так как в части служили полуденники, ведущие дневной образ жизни, мы старались держать кабинет открытым круглосуточно, хотя по большей части в этом не было необходимости.

Выйдя из медблока, я заперла дверь на ключ и отправилась в келью жреца.

С каждым шагом нарастало предчувствие: не просто так он исчез из вида на целые сутки и даже ни разу не прокомментировал пропажу Лиоры.

Что-то тут было нечисто, и я намеревалась выяснить, что именно.

Служителям Гесты выделили целый тупичок в конце одного из длинных коридоров штаба, и если с остальными жрецами я лишь вежливо здоровалась, то Валентайна действительно успела полюбить. Многие считали его желчным, вредным старикашкой, но я наблюдала иное: все его помыслы и цели были чисты и светлы, а вот методы он иной раз выбирал сомнительные, однако никогда не вмешивался без причины, и если уж охаживал кого-то посохом, то обычно за дело.

Я тихо постучалась в знакомую дверь.

— Входи, Лунарочка, — прошелестело в ответ.

Толкнув створку, вошла в освещённую келью. Ставни на окнах были лишь прикрыты, и то наполовину. После темноты коридора свет ударил по глазам, и я на секунду зажмурилась.

Жрец сидел у окна и читал здоровенный фолиант, шевеля губами.

— Как самочувствие, ваша праведность?

— Как у сиденья под задницей пилота — немного сплющенное, но пока поскрипываю потихонечку, — отозвался он, а я улыбнулась.

Подошла ближе, напитала жизненной силой, наблюдая, как старческие плечи чуть расправляются, а глаза начинают блестеть с озорной хитрецей.

— Что-то борода у вас отросла, — заметила я. — Давайте-ка я подстригу. Только лучше в медблоке, мало ли кто меня хватиться может.

— Ну...

Он почесал короткую бородку, стричь которую пока было рановато, но я намеренно зашла с предложения, от которого он отказаться не мог. Очень уж любил, когда его окружают деятельной заботой.

— Отросла, ещё как отросла, — поцокала я.

— И то верно. Жить осталось — полторы луны, не хватало, чтоб меня обросшего хоронили. Что ж, пойдём, коли не шутишь, — прокряхтел Валентайн и с намёком добавил: — Я бы ещё перекусил чего. Проголодался что-то, аж живот крутит...

— Ну вот пока кашка варится, я вас и подстригу, — улыбнулась я и спросила самым светским тоном: — А что вы читаете?

— Жизнеописание одного жреца. Всё думаю, как вернее поступать: как душа велит или как закон диктует. Иной раз расхождение получается. И то не то, и сё не это... Как говорится, каким боком к луне ни вставай, всё одно от тени не избавишься.

— И что же за дилемма перед вами на этот раз? — мягко спросила я.

— Ты меня сначала накорми, а потом расспрашивай, — тут же почувал он неладное.

Так мы и сделали. Я поставила кашу вариться, взяла ножницы, расчёску и специальную щёточку, которой к большому удовольствию жреца прошлась по покрытым пигментными пятнами впалым щекам. Подровняла усы, чуть укоротила бороду и особенное внимание уделила ушам — почему-то с возрастом волосы у мужчин мигрируют с темечка именно туда. Вероятно, от подсознательного желания поменьше слышать, что говорят окружающие.

Закончив, я накормила жреца кашей и наконец спросила прямо:

— Вы знаете, где Лиора и что произошло между нею и Дервином?

— Как не знать? Знаю. Уехали они в Ретер, где Дервин на твоей Лирке женится, и всё у них будет хорошо. Однако за выходку с опаиванием дежурных командор Блайнер из части его уволит, следовательно, и Лирка твоя пустоголовая на службу не вернётся.

У меня в груди словно обвал случился — будто подточенный морем тревоги сердечный утёс рухнул в пучину нервозности.

— И вы этому поспособствовали? Зачем?

— Затем, Лунарочка, что так для вас обеих будет лучше, — наставительно проговорил жрец, глядя на меня с ласковой насмешкой. — Ты можешь на меня сколько угодно обижаться, однако ж вам с сестрой давно пора разными дорожками разойтись.

— За ней нужно присматривать, — от волнения и несогласия голос чуть не сорвался. — И она не пустоголовая!

— Ещё какая пустоголовая, но дело не в том, Лунара. Ты за ней ходишь, будто она — дитё малое. Ей нужно научиться не на тебя полагаться, а самой, своей головой жить. Что разбросала — убирать. Что не доделала — заканчивать. Пусть она ошибки делает — ей они на пользу пойдут. Сейчас она беззаботна, прекрасно знает, что ты поправишь, подхватишь, прикроешь. Но всю жизнь так продолжаться не может. Ей пора взрослеть. А тебе — дать ей свободу ошибаться и на ошибках учиться.

— Её нельзя оставлять одну! — воскликнула я.

— Очень даже можно, — тут же повысил голос жрец. — Осталась она один раз, не развалилась. Дервина этого не угробила, ногу ему так собрала, что ажно целый императорский целитель приезжал, хвалил, чуть пузом не лопнул от восхищения. Да, без ошибок дело не обошлось, однакось я теперь уверен, что она сто раз пациента проверит, чем заново ту же ошибку допустит, потому что на этот раз, Лунарочка, некому было за ней поправлять. И меру ответственности за свою безалаберность она пусть принимает сама.

— Она не безалаберная, а она просто такая! — не выдержала я. — С рождения такая, с самых малых лет! Она не специально всё забывает и... вещи не специально теряет! Знали бы вы, как она расстраивается, когда перчатки теряет! И каждый раз — правые! Уж сколько у нас этих левых перчаток дома лежит в ящике, каждый раз она туда новую кладёт и чуть не плачет! Поймите вы, что она не нарочно!.. Всю жизнь учителя говорили, что она глупая, но она не глупая, просто неусидчивая! А после смерти родителей дело только хуже стало и лишь недавно начало понемногу выправляться. Я не хочу оставлять её одну! Зачем вы вмешались?

— Потому что я хочу, чтобы вы друг друга любили, Лунарочка, — тихо ответил жрец. — Вы обе — девочки светлые и добрые, этого у вас не отнять. Но если ты так и будешь ходить за Лиркой бардак прибирать вместо того, чтобы свою жизнь жить, то рано или поздно ты её возненавидишь. А она возненавидит тебя. Пусть за ней Дервин ходит, он по натуре как раз такой спасатель, ему это только за счастье будет, тем более что сейчас он чувствует себя обязанным.

Они друг другу нравятся, и тебе не надо между ними вставать, ничего хорошего из этого не выйдет ни для кого, уж поверь старому жрецу, который кое-что да повидал.

Слова Валентайна выдавили из меня весь воздух по капле, пока внутри не осталась тянущая, горьковатая пустота.

— Но... но Лира же хотела служить у Разлома...

— Ой, брось! Дома она не хотела сидеть, пигалица, вот и вся недолга! А коли уж так хочет быть целительницей, то вернётся, но сделает это осознанно, по своему желанию, а не потому, что другого выбора не дано. Это ты хочешь быть целительницей, а она — просто другого пути не знает пока. Лунарочка, ты на меня не серчай. Я понимаю, что самоуправство никто не жалуется, но признайся честно: сколько раз ты из-за сестры отказывалась от того, чего тебе на самом деле хотелось?

Я молчала. Первым на ум пришло предложение Ячера, о котором я даже не успела рассказать Брену или Адели. Предложение-то хорошее! И денег больше, и опыта можно набраться, и методики новые освоить...

— То-то и оно, — удовлетворённо припечатал жрец, правильно истолковав моё замешательство.

— То есть Дервин знает какой-то способ снять проклятие? Так получается? — сглотнула я.

— Это мне неизвестно, но что-то он определённо знает, дочка, — примирительно сказал Валентайн. — Раз вознамерился с Лирки проклятие снять, то уж явно не для того, чтоб она потом за другого пошла. А то я не видел, как он её глазами пожирает.

— А если он погибнет? — тихо спросила я. — Лира никогда себе этого не простит.

— Если бы да кабы драконы встали на дыбы, — хмыкнул жрец. — Ты о себе думай, а чего там Лира простит или не простит — это её дело, не твоё. Я тебе вот ещё что скажу, Лунарочка. Знаешь, кого в семье меньше всех ценят? Того, кто ради остальных больше всех жертвует. Так жизнь устроена. Кто безропотно отдаёт, у того с удовольствием и берут. Это не значит, что помогать не надо, нет! Ни в коем разе! Однако помогать надо только тогда, когда о помощи попросили, это раз. Когда за неё поблагодарили — это два. И когда взамен готовы помочь — это три. Вот если ты научишься все три эти правила соблюдать, то никто тебе на шею никогда не сядет. А пока ты и сама рада всех туда посадить, — закончил он, погрозив мне узловатым пальцем.

— Просто Лира...

— Такая же взрослая нобларина, как и ты. Сама справится. А ты пока лучше чайку мне сделай и расскажи, чего там на симпозиуме вашинском такого случилось, что братец твой как скипидаром подмытый по части носился...

Я отошла от жреца, чтобы дать себе передышку. Его слова запали глубоко в душу. Пожалуй, стоило записать их, чтобы потом перечитать и обдумать. Разумное зерно в них, безусловно, имелось, хотя всё внутри восставало против того, чтобы отступить и не вмешиваться.

Однако что я могла?

Только ждать и думать, каким образом всё преподнести Брену так, чтобы он не отрёкся ещё и от Лир.

Когда я уже немного успокоилась, поставила на плиту ковшик с водой и бросила в неё щепотку трав, принесли почту. Я не ждала писем, однако курьер передал мне аж три пухлых конверта. Первые два — от других целителей с описаниями клинических случаев, которыми я интересовалась, их проглядела мельком и отложила в ящик рабочего стола. На последнем — уже знакомым почерком были обстоятельно написаны сверху моё имя и должность, а снизу уже другими чернилами неаккуратно прибавлено: «Седьмая эскадрилья».

Я почему-то улыбнулась, воочию представив, как Ячер сначала написал моё имя, а о фактическом адресе вспомнил позже, добавив его второпях.

— От кого это? А? — тут же заинтересовался жрец.

— Я думаю, это рецепт одного зелья для Лиры, — ответила я.

— Так я не спросил, что это, я спросил — от кого, — хитро сощурился он.

Пришлось обтекаемо рассказать о симпозиуме и знакомстве с Ячером. О предложении пока говорить не стала, решила сначала всё хорошенько обдумать. Спонтанные действия редко бывают разумными, поэтому торопиться ни к чему. Если жрецу сейчас рассказать о предложении, он начнёт давить на меня, а я пока сама не решила, как лучше поступить. И если уж с кем советоваться, то с Бреном в первую очередь.

При мысли о брате сердце болезненно сжалось. Мало ему покушений, издёвок и ссоры с Кайрой, теперь ещё и Лирино замужество... И вот вроде бы и сестру хочется поддержать, особенно если у них с Дервином действительно вспыхнули чувства. Но в то же время всё внутри клокочет от негодования: ну почему? Почему именно он? Почему именно сейчас? Почему именно таким образом?

Пока я снимала с огня вскипевший отвар, дверь приёмной резко распахнулась, впечатавшись в стену.

— Гарцель! Гарцель! — хрипло позвал мужской голос с той самой панической интонацией, которую узнает любой врач.

Я отставила ковшик и кинулась навстречу бледным курсантам. Они уже втаскивали в приёмную бессознательного принца, в уголки рта которого пузырилась сизая пена. Кожные покровы белее снега, синюшные губы, испарина на лбу, дыхание поверхностное, судорожное, трясущиеся руки — мне даже не требовалось заклинание, чтобы поставить диагноз.

Схватила с полки бутылку с очищающим декоктом, достала зонд из ящика, уложила принца на бок и начала вводить зонд, приговаривая:

— Глотай, глотай, не сопротивляйся!

К счастью, принц ещё оставался в сознании и сглотнул. Или же судороги добрались до горла. В любом случае я попала в пищевод с первого раза!

Судороги усиливались, и я начала вводить декокт в желудок, одновременно напивая тело магией. Пациент дёрнулся и инстинктивно попытался отплеваться и отпихнуть меня, но я держала кевредовой хваткой, вливая в него как можно больше, и даже тазик успела подставить.

Вот так... вот так.

— А теперь ещё раз! С самого начала! — я снова уложила принца набок и приказала замершим курсантам: — Разбудите Адель! Она у себя!

Промыв желудок до чистых вод, накачала принца густым универсальным антидотом, а потом принялась разбираться, что за дряни он наглотался. Пациент постоянно пытался выдавать судороги, но я их купировала. Его снова вырвало, уже антидотом, но я упрямо влила вторую порцию.

Сквозь дверь протиснулись ещё трое, на этот раз с Леввеком — таким же бело-синюшным, только пены у его рта было больше, а голова безвольно повисла.

Я на мгновение переключилась на него, но тут же поняла: он уже мёртв! Метнулась обратно — спасти того, кого ещё можно было спасти.

Антидот, кажется, не особо помогал — яд хоть и медленнее, но продолжал поступать в кровь и действовал на неё. В крови образовывались кристаллы, принца затрясло, а потом выгнуло дугой. Я зафиксировала его, рванула рубашку на груди и последовательно вырисовала четыре заклинания на коже, надеясь, что хоть одно замедлит действие яда и не позволит кристаллам образовываться дальше.

Принц засветился от переизбытка магии, а потом задышал ровнее. В этот момент в медблок влетела заспанная Адель в ночной сорочке и медицинском халате поверх неё. Я передала ей своего пациента и тут же переключилась на принесённого Зоура. Ему досталось меньше всех, яд вроде бы не попал в желудок, по крайней мере, промывка ничего не дала — декокт

вышел прозрачным. Видимо, некоторое количество яда впиталось через слизистую рта, она была красной и воспалённой.

Зоур хватался за горло и хрипел, поэтому я парализовала его, чтобы не мешал, а затем тщательно вымыла рот декоктом. Знать бы, что за яд, можно было бы попробовать его нейтрализовать. Универсальный антидот хорош в первую очередь тем, что не вредит, обволакивает слизистую и связывает сам яд, затрудняя его усвоение. Это покупает целителю драгоценные мгновения.

К счастью, Зоур дышал, и я сочла его достаточно стабилизированным.

Судороги и кристаллизация в крови? Что это?

Повернулась к Леввеку и принялась промывать желудок ему. В мёртвом теле хорошо одно — сердце уже не стучит, не гонит отраву по венам. Однако яд всё же надо убрать из тела, иначе оживление не поможет, лишь муки продлит — парень умрёт второй раз, только на этот раз в долгой агонии.

Ворочать такого амбала было неудобно, но мне помогли. Из рта норта выхлестнулся поток бордовой жижи. В первую секунду я подумала на желудочное кровотечение, но позже поняла: вино! Эти красавцы где-то наладились вина, а Леввек выпил больше всех!

Я влила в норта антидот, применила те заклинания, что помогли принцу, а затем подняла глаза на жреца:

— Дальше — вы!

Валентайн преобразился мгновенно — словно раздался в плечах и помолодел на полвека. Он глубоко вдохнул, а затем приказал:

— Снимите с него рубашку и отойдите.

Курсанты, до которых только теперь дошло, что их товарищ уже мёртв, рванули с него рубашку так, что она затрещала и порвалась по швам.

Жрец встал на колени рядом с телом норта.

— Эх... луну бы...

Однако за окном сиял день, и в таких условиях шансов на воскрешение было куда меньше.

Когда приёмная озарилась голубоватым светом магии жреца, я вернулась к Зоуру. Он дышал ровнее, страшно тараща глаза, но отправляться на тот свет следом за Леввеком пока не собирался, поэтому наложила на него ещё одно заклинание — на этот раз поддерживающее, защищающее в первую очередь почки и печень. По-хорошему надо поскорее дать правильный антидот, чтобы расщепить яд на составляющие и помочь вывести их из организма, но знать бы, какой именно дрянью их накачали! Чем-то на основе кислоты?

В общем, пока просто щедро напоила водой.

Принца удерживала на грани Адель, и я не полезла ей под руку. У сестры на несколько лет больше опыта, да и всё, что могла, я уже сделала...

Ритуал воскрешения я видела нечасто, и внимание невольно было приковано к нему.

Тщедушную фигуру жреца заволокло потоком силы, он напевно читал слова древнего заклинания и рисовал на груди Леввека смутно знакомые знаки.

Я замерла, отсчитывая мгновения. Если у Валентайна получится вернуть дух, дальше нужно будет спасать тело...

Наконец заклинание затихло, магия набухла на коже норта голубым светом, и на мгновение показалось, будто время запнулось. Бледная дымка вспыхнула в воздухе и, плавно покачиваясь, опустилась на широкую грудь, словно облако света осело на озёрную гладь, а потом впиталось в неё.

Леввек рвано вздохнул, я тут же кинулась к нему и залила жизненной силой.

Его затрясло и скрутило, но я уже была готова к судорогам — обездвижила, обезболила и принялась методично рисовать на коже новые знаки. Защитить сердце — это в первую очередь, с печенью и почками потом как-то справимся.

Жрец тем временем осел на колени так, словно кто-то выпустил из него воздух, а затем принялся плавно заваливаться набок.

— Адель! — позвала я.

— Могу перехватить! — тут же откликнулась сестра и переключилась на норта.

Принц в это время лежал на боку, дышал сам и вроде бы смотрел на нас осмысленным взглядом.

Я подхватила жреца под локти, села рядом и обняла, поразившись, насколько он осунулся буквально за мгновения. Напитала магией жизни, приговаривая:

— Ну же, ну же... ничего страшного... вы ещё восстановитесь... куда мы без вас? Мы без вас пропадём!

И ничего я сделать не могла — он отдал слишком много магии, а стариковская немощь не лечится заклинаниями. Гладила по впалым щекам и делилась силой, надеясь, что на этот раз её хватит.

Пока я сидела на полу, баюкая измождённого жреца на руках, Адель распорядилась, чтобы всех троих отравленцев отнесли в палату, и развеяла паралич на Зоуре. Едва тот смог говорить, как прохрипел:

— Это Дервин! Дервин нас отравил...

Глава 24

Первое новебриля. После обеда Лунара Боллар

Не знаю, каким чудом, но мы с Аделью всё же справились: из четверых пациентов не потеряли ни одного, хотя руки у меня мелко дрожали после стремительного расхода сил и потрясения. Вид мёртвого Леввека так и стоял перед глазами. Приходилось делать усилие, чтобы изгнать этот образ из мыслей и переключиться на работу.

— Срочно принесите мне бутылку с остатками вина, которое они распивали, — распорядилась я, и один из курсантов рысцей кинулся исполнять мой приказ. — А вы, — обратилась я к другому, — вызовите другого жреца и майора Гордонана.

Валентайн, которого я всё ещё баюкала на руках, забылся опасно глубоким сном, но пока ещё дышал, приоткрыв впалый рот. Оставшиеся курсанты помогли мне осторожно перенести старика на больничную койку, и я укрыла его тёплым одеялом поверх плотной шерстяной хламиды, а потом ещё и две грелки с горячей водой подложила в ноги — чтобы не мёрз. Он и без того часто жалуется на холод.

К тому моменту троица отравленцев пришла в себя и смотрела на нас с Аделью растерянно-умоляюще.

— Если вы думаете, что я не доложу майору Гордонану и командору Блайнеру о случившемся, то очень сильно заблуждаетесь, — сурово отрезала я. — От ваших пьянок на службе одни беды!

— Мы не были на дежурстве и подняли тост за бракосочетание моей сестры, — сипло оправдывался принц.

— Свои объяснения можете оставить для тех, кому они интересны, — раздражённо ответила я. — Вы нарушили правила и действовали не по уставу, из-за чего чуть не погибли сами и едва не утянули за собой жреца!

— Уна, успокойся. Это курсанты, они всегда такие, — миролюбиво заметила Адель. — Посидят в карцере, поумнеют немного. Для того он и нужен. Сам командор Блайнер очень высоко отзывается о его невероятных педагогических возможностях, прочувствованных на собственном опыте, между прочим.

Пока она говорила, я взяла смывы из рвоты всех троих. Чем быстрее мы выясним хотя бы группу ядов, тем лучше.

— Почему вы сказали, что вас отравил Дервин? — обратилась я к Зоуру.

— Так б-бутылку он п-прислал, а самого его не б-было, чтобы её расп-пить, — запинаясь и с трудом шевеля обмётанными губами, проговорил тот и вопросительно посмотрел на принца.

Его Высочество взялся за косу, потербил её кисточку и сдержанно ответил:

— Бутылку мог прислать кто угодно.

— Но п-почерк же Дервина! — возразил Зоур, кривясь от боли, и я дала ему пару глотков зелья, чтобы облегчить симптомы ожога слизистой.

— Да, почерк его. С бутылкой была записка. Думаю, она до сих пор у Мазера в кармане, — ответил принц.

— У Мазера? — растерялась я, ни разу не слышав о таком курсанте.

— У Мазера Леввека, — пояснил принц.

Я смутилась. Разумеется, у Леввека есть не только фамилия, просто имени я никогда раньше не слышала, но ремарка Зоура пояснила причину:

— Ему в отряде дали кличку «Мизер», и каждый раз, когда Трезан называет его Мазером, п-парни хохочут. Вон он и п-предпочитает п-представляться по фамилии.

— Ясно. Лучше расскажите, что именно произошло и причём тут Дервин, — потребовала я.

Зоур снова вопросительно посмотрел на принца, и тот одобрительно кивнул.

Оказалось, что с почтой Леввеку пришла небольшая посылка: бутылка редкого Ретерского вина с запиской от Дервина: «Прошу прощения, что взял твою бутылку. Это компенсация».

Так как время было уже после отбоя, а троица не спала, обсуждая исчезновение Дервина и Лиоры, бутылка пришлась очень кстати. Они же не на дежурстве! Было решено раздавить её тут же, пока не набегали другие курсанты или — ещё хуже! — офицеры части. Те бы наверняка изъяли вино с якобы воспитательной, а на самом деле распительной целью.

Троица уединилась в небольшом алькове, где стояли их кровати.

Леввек исполнил любимый трюк: ловко саданул по дну бутылки, и пробка вылетела сама. Первый стакан осушил он — как самая пострадавшая сторона. Второй отдал принцу, а третий — Зоуру.

«Ну и кислятина!» — сморщился норт, мужественно опрокидывая в себя второй стакан.

«Так это ретерское кикадовое вино, оно такое и должно быть», — со знанием дела заметил принц, пригубив немного.

Зоур усмехнулся:

«Терпеть не могу кикаду, она напоминает мне бывшую: такая же кислая, и руки от неё потом не отмоешь».

Принц кашлянул и скривился:

«Но это слишком кислое даже для ретерского, отдаёт уксусом. Какой это год?»

Вместо того, чтобы отдать бутылку, Леввек захрипел и уронил её себе на ногу. Зоур выплюнул то, что набрал в рот, и успел позвать на помощь. Пока будил других курсантов, у него самого сознание уже помутилось и началась трясучка.

Собственно, дальше картина ясна.

— Кислое... — задумчиво протянула я, доставая справочник. — Кислое... кислое.. кислое... мгновенное действие... вызывает судороги и кристаллизацию в крови...

Ответ нашёлся довольно быстро. Яд был не таким уж и редким, скорее даже широко известным. Его частенько подливали в уксус или кислые соусы, чтобы замаскировать вкус.

Захлопнув справочник, я тут же принялась варить противоядие, и сорок минут спустя оно было готово. Напоила всех троих, отмечая, как оно помогает. Сильнее всех пострадал Леввек, у него в почках образовались кальциевые кристаллы, которые нам ещё предстояло как-то растворить и вывести из организма.

Первично яд дал сильнейшие судороги и остановку сердца. Отравитель всё рассчитал верно: курсанты распивали вино втроём, подальше от досужих глаз. Если бы они выбрали куда-нибудь на крышу или уединились в пустой комнате, вряд ли успели бы позвать на помощь. Кто мог предположить, что им хватит наглости выпивать прямо в казарме?

Именно наглость и нетерпение Леввека их и спасли.

Оставался открытым только один вопрос: неужели вино действительно прислал Дервин?

Несмотря на середину дня, эскадрилья не спала и гудела, как потревоженный улей ночных пчёл.

Медблок наводнили офицеры: больше ни у кого не возникало сомнений, что крушение маголёта, управляемого Дервином, — не случайность.

Майор Гордонан тут же поднял личное дело Местра, сравнил единственную объяснительную с почерком в записке и пришёл к выводу, что почерк очень похож, однако писал не Дервин. Нам с Аделью тоже дали сравнить записку с объяснительной, но, скорее, из вежливости — всё же расследование упорно стекалось в медблок, потому что пациентов мы с сестрой отпускать отказывались, даже Зоура.

Его, кстати, допрашивали так, что становилось понятно: он — основной подозреваемый, и тот факт, что именно он позвал на помощь, кажется, не особо смущал руководство эскадрильи.

Адель сидела за рабочим столом, писала отчёты, приговаривая:

— Бедный Ким, стоит ему хоть ненадолго уехать, как в части какой-то кошмар начинает происходить.

Я тоже писала отчёт, и хотя Зоура мне было искренне жаль — после того, как все убедились, что записку писал не Дервин, он явно мучился из-за вины за ложное обвинение — я, тем не менее, расписала всё, как было.

Принц воспринял происходящее стоически. На открытые обвинения в адрес Дервина, а потом завуалированные в адрес Зоура отвечал неожиданно спокойно:

— Вы ошибаетесь. Мои друзья ни при чём. Ищите предателя в другом месте.

За несколько часов я прониклась к Трезану уважением. Хотя ему до сих пор было очень плохо, он держался с достоинством: не повышал голоса, не делал поспешных выводов и методично, уверенно защищал своих друзей.

— Как вообще вышло, что вы начали приятельствовать с Зоуром, учитывая существенную разницу в происхождении? — тихонько спросила я, когда осталась с пациентами наедине.

Принц ответил:

— Если вы действительно изволите интересоваться, то слушайте. Это случилось на первом курсе, в первые же недели пребывания в академии. Кёнвер пришёл ко мне и сказал, что его попытался подкупить незнакомец, предлагая деньги в обмен на сведения обо мне. Семья Зоуров — не самая богатая, а деньги предложили хорошие, причём ему особо и делать-то ничего не нужно было, просто слеживать за мной и писать письма. Однако он отказался становиться информатором и предложил план, как подловить того незнакомца. Так мы вышли на эстренского шпиона, а с Кенвером сдружились.

— Денег мне, кстати, так и не перепало, — обмётанными губами слабо улыбнулся Зоур. — От нашего принца никаких барышей, только неприятности.

— Истинно так, — величественно кивнул Трезан. — Гораздо приятнее знать, что друзья со мной из любви к неприятностям, а не к барышам. Кстати, впоследствии оказалось, что подкупить пытались шестерых моих однокурсников, но только Кенвер пришёл и рассказал правду.

— А с Леввеком была похожая история?

— Вовсе нет. С Леввеком всё вышло наоборот. Он с первого дня в казарме начал меня доставать.

— Дёргал за косу, — хмыкнул Зоур.

— И это тоже. Всё время намекал на то, что раз у меня коса, то я и дерусь, как девица, и... в общем, отличаюсь девичьими предпочтениями, скажем так. Вообще, меня сложно разозлить, но Мазеру удалось. В какой-то момент мы подрались, и не стану скромничать: я надрал его здоровенную нортскую задницу.

— Это всё поэнта, — слабо простонал с места Леввек. — Если бы не она, у тебя бы не было ни шанса...

— Техника работы по болевым точкам, — пояснил принц. — Которой нортов не учат, ведь они обычно в драке берут бешеной дурью. Когда Мазера перестали держать его собственные ноги, он рухнул к моим, как и положено хорошему верноподданному, а я уселся сверху и очень долго упражнялся в остроумии, ибо он изволил меня довести до точки кипения. Думал, мы будем врагами на всю жизнь, но на следующее утро он приволокся ко мне с бутылкой мерзотнейшего самодельного вина и признанием того, что был неправ. Вот и вся история.

— Откуда у вас вообще вино? Это же военная часть, тут запрещена выпивка! — осуждающе посмотрела я на норта. — Как вам не стыдно? Из-за того, что вы нарушили устав, вы погибли! Не просто прошли по краю, а действительно погибли! И из-за вас чуть не погиб

жрец! Для кого пишут правила? Думаете, их дураки составляют? Я вас уверяю, что это делают умные люди, которые сто раз видели вот такие вот ситуации...

— Она меня добить решила... — простонал Леввек.

— Тебя добьёшь, как же. Кстати, помнишь тот случай с петардой? — неожиданно спросил принц у него.

И вроде бы спросил беззаботно, однако я заподозрила, что это проверка. Вернувшийся в тело Леввека дух мог быть Странником, и сбрасывать такую вероятность со счётов никак нельзя. Норт, кстати, на вопрос отреагировал вполне благодушно, а потом и вовсе сказал:

— Ну давайте, проверяйте.

Вопросы от Зоура и принца посыпались, как снег с неба, причём от последнего — на нортском. Леввек мужественно ответил на все, а потом поглядел на меня:

— Знал бы, что сдохну, женился бы на вас, капрал Боллар.

— Так ты бы тогда остался женатым после воскрешения, — заметил принц.

— Вотсе нет, клятва-то до смерти. Сдох — и свободен, — уверенно заявил норт.

— Что за чушь? Дух-то твой жив и вернулся в тело, — не согласился Зоур, и между ними тремя разгорелся горячий спор.

Считался бы Леввек женатым на мне после того, как умер и воскрес?

Принц и Зоур приводили аргументы в пользу того, что да, а норт категорически стоял на том, что нет. Я никогда об этом не задумывалась, ведь случаев воскрешения на самом деле довольно мало, это ведь должно совпасть сразу несколько факторов: в первые минуты после смерти возле тела должны находиться и жрец, и целитель, а дух умершего должен захотеть вернуться в брненное тело. Шансы на то, что всё это совпадёт вместе, не так уж велики... Пожалуй, такое происходит чаще всего у Разлома, да в каких-нибудь военных походах.

Окно возможности не так уж велико, у жреца есть буквально пятнадцать – двадцать минут на то, чтобы успеть провести ритуал, а целителю нужно постараться не дать человеку умереть второй раз, ведь если тело получило повреждения, не совместимые с жизнью, от возвращения духа ничего не изменится. Если мага пожевал кантрад, то тут хоть обвоскрешайся — шансы на благополучный исход стремятся к нулю. Лучше всего ритуал работает на тех, у кого внезапно остановилось сердце — вот его можно попробовать запустить снова.

Троица пациентов спорила до хрипоты, но в итоге пришла к тому, что клятва верности работает ровно до тех пор, пока ты в неё веришь. Если ты искренне считаешь, что после смерти свободен от брачных уз, то Геста одобрит другой брак. Если же уверен, что такая смерть — не окончательная, то и клятва продолжает действовать. Она ведь работает на внутренней уверенности, и даёт откат только тогда, когда маг сам признаёт, что нарушил её. Луноликая, конечно, всё видит, но больно много чести следить за каждым.

Именно поэтому с клятвами не всё так просто — если человек даёт её, искренне заблуждаясь, то ничего ему не будет до тех пор, пока он верит в свои слова.

— Кстати, был во дворце случай, когда одна служанка ходила днём вещи прятала, соларила во сне. Так несколько месяцев не могли понять, что происходит: всех допросили, но ничего не выявили. И только когда она случайно попалась, вся правда и выяснилась. А так как она ничего не помнила, то и клятву о непричастности принесла без проблем, — сказал принц.

Я раньше как-то не особо задумывалась о брачных клятвах с такого ракурса, однако теперь стало обидно: получается, если муж умрёт, а потом воскреснет, то он мне вовсе и не мужем будет?

Ну нет же! Ерунда! Печать-то височная не изменится. Однако Леввек вещал так убеждённо, что я вдруг засомневалась.

Нужно будет спросить у Валентайна, раз жрецы проводят ритуал, то и знают о них больше всех.

Сам жрец спал глубоким, практически летаргическим сном, и я регулярно проверяла его дыхание, боясь, что из этого сна он и ускользнёт в вечность. Однако пока жизнь продолжала в нём теплиться, хоть и казалось, будто она вся заёмная, моя. Возможно, с моей стороны было эгоистично вмешиваться, ведь наверняка именно такую смерть он и заслуживал — спокойную, безболезненную и ставшую результатом помощи другому.

Однако я очень не хотела его терять, и поэтому вливала в Валентайна куда больше сил, чем в курсантов. О них заботилась Адель, да и их организмы были куда крепче. Тот же Зоур почти не пострадал, а Леввек уже практически пришёл в себя. И только жрец выглядел настолько уязвимо и даже жалко, что с трудом верилось, что он совсем недавно этого самого Леввека отходил посохом так, что тот скрючившись приполз в медблок.

Теперь худое старческое тело под плотной тканью хламиды и несколькими одеялами казалось эфемерным, норовящим растаять седой дымкой.

Я гладила морщинистый лоб, постепенно приобретающий нездоровый желтоватый оттенок, и тихонько молилась. Со своим родным дедушкой я никогда не была близка, скорее даже боялась его, а Валентайн как-то незаметно занял в моём сердце место, которое было отведено для любви к деду, но оставалось вакантным.

К счастью, мой дар пока был сильнее природы, и к вечеру Валентайн открыл глаза и сказал:

— А ну-ка принеси мне посох, Лунарочка, и помоги встать. Ох, я этого норта сейчас...

Лежащий на соседней койке норт аж проснулся, почувствовав опасность:

— Чего сразу я?

— А шоб не смел больше подыхать раньше времени, обалдуй кучерявый!

— Можно подумать, я нарочно! — обиделся норт.

— За ненарочно мутузят прочно! — отозвался жрец и на этом затих.

Устал.

Посох я ему, конечно, не дала, но напоила, с ложечки покормила кашкой и даже колыбельную спела. Валентайн уютно устроился в гнезде из одеял, из которого периодически постреливал в норта ядовитыми репликами, и с каждой новой у меня сердце сжималось от счастья.

Если есть силы язвить, значит, рано склеп отпирать.

К полуночи ни у кого не оставалось сомнений, что в части завёлся предатель. Предатель, находящийся достаточно близко к принцу, понимающий динамику его отношений с друзьями, знающий их характеры и привычки.

Допросы результата пока не дали — ни один из курсантов не посылал бутылку и не знал, кто это сделал. Свои слова все подтвердили клятвами, и в палате начался новый виток ожесточённых споров о том, как их обманывать.

Авиачасть наводнили гвардейцы императора и СИБовцы, возглавляемые почему-то одним и тем же офицером лет двадцати семи.

Он был одет в форму без опознавательных знаков, чисто выбрит, волнистые золотые волосы средней длины лежали одновременно и слишком аккуратно, и слишком небрежно, поэтому я никак не могла понять — он их уложил, или они так сами ложатся от природы?

Незнакомец без звания, к которому с неожиданным пиететом отнеслись самые высшие чины эскадрильи, представился Скейном Скоуэром, сразу же расположив меня к себе безупречными манерами.

С его появлением пчелиное гудение в эскадрилье лишь усилилось.

Адель мрачно вздохнула:

— Бедный Ким... И это он ещё не знает, что его ждёт.

— Пока тушил сарай, сгорела хата, — не смог промолчать жрец, прихлёбывая восстанавливающе зелье.

— Надо сварить ему побольше успокаивающего отвара, — решила Адель и встала к плите, а я подумала, что отваром тут делу не поможешь, но благоразумно промолчала.

Глава 25

Тридцать шестое октября. После полуночи Лиора Местр

Не знаю, кто из мальчишек сбегал за жрецом, но к моменту его прихода я уже нащупала у Моэры пульс и следила за её дыханием. Правда, без магии ощущала себя ослепшей и оглохшей. Потребовалось значительное усилие, чтобы переключиться и начать использовать методики, не требующие магии. Приподняла ноги Моэры, чтобы усилить приток крови к верхней части тела, а потом растёрла уши. Пусть последнее не особо помогало, зато позволяло занять руки и действовать, действовать, действовать!

Без дара я даже паралич с Дервина снять не могла!

Жрец и Альтара сначала помогли мне привести в чувство Моэру, а затем отдали её на попечение младших сыновей, и те на руках отнесли мать в покои. Дервина тоже спустили, но только после того, как жрец удостоверился, что проклятие действительно снято.

К тому времени небо окончательно затянуло тучами и начало противно моросить, а мною овладело какое-то странное онемение, скорее даже опустошение. Когда всех болезных распределили по их комнатам, жрец отправился обратно в храм пешком, игнорируя дождь и поминутно покрывая не очень-то богоугодной бранью то Валентайна, то Местров, то Болларов. Честно говоря, даже немного не хватало упоминаний Блайнеров: так и подмывало подойти к нему и попросить добавить их чисто для гармонии. Правда, интуиция настойчиво подсказывала, что он не особо-то рад будет со мной беседовать. А зря! Я — прекрасная собеседница, мне порой даже не нужно дослушивать вопрос, чтобы начать на него отвечать. И самодостаточная — вполне способна вести интересные разговоры даже с теми, кто молчит.

Альтара оставила одного брата с мамой, другого послала за целителем, а сама бегала по дому, то проверяя Дервина, то принося перекусы, то утешая самую младшую из Местров — девочку лет десяти.

Оказалось, что в последние годы Моэра отпускала слуг на полнолунную неделю, чтобы дети больше ценили их труд и учились обслуживать себя сами. Сейчас её воспитательные меры ударили по ней самой: Альтара не смогла найти ни одной подходящей случаю лекарственной настойки, младшая порезалась об осколки люстры, пытаясь их убрать и разрыдалась от переизбытка эмоций. Мне пришлось перебинтовать ей ладошку, и пока все бегали туда-сюда, половину осколков втоптали в пушистый ковёр, теперь ещё и залитый кровью.

Пожилой, слегка косматый целитель приехал полчаса спустя, вылечил порезы девочки, осмотрел сначала Моэру, а потом Дервина и меня.

— Скажите откровенно, у меня выгорание? — голос дрогнул, потому что возможный ответ пугал.

— Не могу сказать точно. На данном этапе отличить полное выгорание от сильного истощения довольно сложно, — протянул он, явно не желая сообщать плохие новости. — В любом случае вам сейчас положены абсолютный покой, положительные эмоции, крепкий сон, обильное питание и длительные прогулки на свежем воздухе по утрам и вечерам, во избежание попадания под прямые лунные лучи. Настоячку вот ещё дам для крепкого сна, она лёгонькая, на травах, без магического компонента. Вам сейчас колдовать и пользоваться артефактами категорически нельзя. Можно только отдыхать. Это я и вам говорю, юноша. Проследите за женой. Если она не будет соблюдать рекомендации, то однозначно лишится дара.

Он наконец снял паралич, и когда Дервин сел на постели, прожигая меня негодующим взглядом, тактично заметил:

— Ну полно вам, ноблард Местр! В семейной жизни чего только не бывает. Вот помню, как-то супруга решила одолжить своему брату отложенные мною деньги... Честно говоря, в первое мгновение хотелось взять и отвезти её к этому самому брату — пусть бы он дальше её и содержал. Но ничего... как поссорились, так и помирились.

— А брат деньги вернул? — зачем-то спросила я.

— Нет, конечно. Он их проиграл, — равнодушно ответил целитель. — Зато на протяжении пяти лет жена даже не заикалась о новых дорогих нарядах и поездках на минеральные воды в Чейстрэз, так что в итоге всё не так уж и плохо сложилось. Жизнь-то длинная, молодёжь. Вы когда сегодня ссориться будете, то помните, что это лишь первая среди ваших супружеских ссор и, дай Лунолика, не последняя. Лучше не говорите того, за что завтра придётся извиняться.

Он напоил Дервина мощнейшим успокоительным, а меня — пахучей травяной настойкой, и ушёл, оставив нас вдвоём.

Сказанные целителем слова возымели неожиданный эффект: я вдруг осознала, что в глазах окружающих мы с Дервином вполне себе женаты. Для всех этот брак вовсе не «понарошку» и уж точно не «до грядущего аннулирования», а очень даже настоящий. Такой, который заключается один раз и на всю жизнь.

Кажется, Дервин тоже об этом подумал, но спросил другое:

— Ты поняла, что случилось с мамой?

— Нет. Я отдала все силы во время ритуала и теперь бесполезна как целитель, — честно ответила я. — Насколько я могу предположить, у неё был обморок.

Он кивнул.

— Спасибо, что вмешалась. Я чувствовал... чувствовал, что ей не хватит сил, — опустошённо проговорил он, а затем потёр покрасневшие от недосыпа и перенапряжения глаза.

— Всё хорошо, Дервин. Нам всем нужно отдохнуть и выспаться, особенно тебе, — ласково проговорила я, опасаясь, что он сейчас кинется угонять ещё какой-нибудь транспорт, чтобы восстанавливать ещё какую-нибудь справедливость, или спасти ещё каких-нибудь несчастных проклятых девиц.

Он снова кивнул.

— Зачем ты меня парализовала?

— Чтобы не мешал твоей маме тебе помогать и не пытался её отговаривать. И вообще — если тебе можно меня похищать, то мне можно тебя парализовывать. Вот такие у нас высокие отношения, — неловко улыбнулась я.

Он кивнул в третий раз.

После долгой паузы спросил:

— Ты хочешь уйти или останешься?

— Останусь. Конечно, останусь, — тихо ответила я, приобняла его и уложила в постель. — Целитель не рассказал подробностей о состоянии твоей мамы, но заверил, что её жизнь вне опасности. Знаешь, это поразительно... Всё могло бы выйти гораздо хуже, ведь так?

— Наверное... — заплетающимся языком ответил Дервин, явно борясь со сном.

— Вот и засыпай, — убаюкивающе протянула я. — Всё не так уж плохо вышло.

О том, что могу потерять дар, я старалась не думать.

Нет-нет, этого не должно произойти!

Всё должно быть хорошо!

Только так!

Вот!

Стянула с мужа сапоги, помогла снять китель, а с брюками он кое-как совладал сам.

Я легла рядом и принялась гладить его по тёмным волосам.

Ничего страшного, психоз лечится. Брат как-то рассказывал, как в их части после особенно ожесточённого боя один солдат разделся догола и бегал по укреплениям, пока медики его не поймали и не скрутили, что оказалось неожиданно сложной задачей. Ничего, отпоили, на месяц отправили в увольнительную нервешки подлечить, а потом он дослужился до звания майора. Кличку ему, правда, дали «Одетый», но он над ней впоследствии даже посмеивался, особенно когда сослуживцы его спрашивали, чего он сегодня такой одетый.

А Дервин...

Ну подумаешь, маголёт угнал и медика похитил. С кем не бывает? Можно сказать, практически рядовая ситуация. Рядовой курсант совершил рядовой угон и рядовое похищение. Никто же не пострадал в итоге. Вернёт и маголёт, и медика в целостности и сохранности, через пару дней все об этом забудут, появится более горячая сплетня.

Командор Блайнер, конечно, будет рвать и метать. Даже в карцер наверняка посадит. Ну ничего, буду ему передачки носить под предлогом необходимости ежедневных осмотров.

Даже если Дервин решит аннулировать брак — всё равно буду.

Помимо возможной потери дара, меня беспокоила ещё одна проблема — реакция Брена, но о ней я тоже решила подумать когда-нибудь потом, когда целители разрешат мне нервничать.

В просторной комнате было довольно светло. Ставни на окнах закрыли неплотно, ночью мы этого не заметили, а теперь сквозь них било солнце. Его белые лучи рассекали пространство, оставляя ослепительные кляксы на мебели.

Убранство комнаты как нельзя лучше подходило хозяину — лаконичное, немного угловатое, тёмное и явно благородного происхождения. На одной из стен висели постеры-объявления о турнирах по фехтованию, там же на полочке стояли кубки.

А я и не знала, что Дервин хорошо фехтует, хотя это, наверное, неудивительно.

Удивительнее, что на его рабочем столе тикал десяток разных часов. Зачем ему столько?

Уснуть не получалось, да и хотелось вымыться, снять грязную одежду, надеть чистое.

Однако хозяйничать в спальне Дервина я стеснялась, раздеваться — тем более. Это его я уже видела без брюк, так что какая разница? А себя без брюк я пока ни одному мужчине не показывала, тем более муж у меня сомнительный — он пока желание оставаться на мне женатым никак не выразил. Может, он утром проснётся и скажет: «Ну, Лира, погостила, замуж повыходила — пора и честь знать».

А тут я: без одежд, зато в надеждах.

Может, у него ко мне вообще никаких чувств нет... или есть, но они не настоящие, вызванные психозом. Как психоз пройдёт, так и чувства испарятся, оставив после себя лишь стыд и недоумение.

Последняя мысль отдалась в теле болью, а глаза защипало от подступающих слёз. Я отодвинулась от Дервина, но он неожиданно властным движением притянул меня к себе и про-бормотал:

— Лира, только не уходи.

Я ошарашенно замерла, прислушиваясь к его дыханию.

— А если уйду?

— Я пойду за тобой, — сквозь сон ответил он и добавил очень проникновенно: — И канделябр возьму.

Я сдавленно хрюкнула от неожиданности:

— А канделябр зачем?

— От телефонов отбиваться, — пояснил он и замолк.

Интересно, а он часто во сне разговаривает? После операции я этого как-то не замечала, но сон после заклинания всегда более глубокий, чем обычно. И можно ли придавать сказанному хоть какое-то значение? С одной стороны, ужасно хотелось верить, что я Дервину

небезразлична, с другой — считать это полноценным признанием разумно ровно настолько, насколько разумно требовать, чтобы он потом от лезущих из Разлома тварей отбивался канделябром.

Однако мне стало как-то спокойнее на душе, поэтому я прикрыла глаза и расслабилась. Руки Дервина — сильные, длинные, тёплые и малость заgreбущие — обвивали меня самым бесстыжим образом, и мне от этого было жутко приятно. Уна от такого попрапия приличий пришла бы в ужас, однако она у Разлома, а я — в Ретере, так что её нотации отсюда слышно не будет.

Раньше мы с сестрой практически всё делили на двоих, а теперь у меня появилось нечто своё, собственное, и в данную секунду я не готова была делить это ни с кем, даже с крепко обнимающим меня Дервином.

Вот вернусь, Уна выпишет мне штраф за превышение скромности. Или, вернее, за нарушение скромности. Но там этих штрафов и взысканий будет такое количество, что одним больше, одним меньше — я даже не замечу, наверное. Так что какой смысл из-за всего этого переживать?

Изучив потолок просторных покоев вдоль и поперёк, я наконец задремала.

Мы с Дервином так и пробыли вдвоём — сначала остаток ночи, а потом весь день до самого вечера. Всякий раз, когда я выплывала из крепкого сна, то проверяла дыхание и пульс, убеждаясь, что, вопреки всем моим действиям, пациент всё-таки жив и, возможно, даже будет здоров. Он несколько раз бормотал во сне какие-то глупости, но они действовали на меня самым умиротворяющим образом.

Вот только окончательного умиротворения не наступало. Я словно увернулась от одной стрелы, а за ней летел ещё десяток. Как отреагирует Моэра? Как поведёт себя Брен? Что будет с Дервином? Не уволит ли его из части командор Блайнер? Что скажут сёстры?

И самое главное — что теперь будет между нами с мужем?

Мы ведь знакомы едва ли неделю...

Остальные сёстры хотя бы выходили замуж за тех, в ком были уверены, а у меня вечно всё через то самое место, которое у нобларины вроде есть, но называть его в приличном обществе нельзя.

Вечером, уже затемно, я проснулась окончательно и просто лежала рядом с Дервином, машинально перебирая пальцами густые короткие пряди его волос — просто для того, чтобы хоть что-то делать. Лежать ровно было невыносимо, а идти никуда не хотелось, поэтому я просто подёргивала стопой в такт своим мыслям.

Вскоре к нам деликатно постучались, а потом приоткрытая дверь бесшумно распахнулась чуть шире и в проёме показалось лицо Альтары.

Увидев, что я не сплю, она жестом поманила меня, и я попыталась осторожно выбраться из рук Дервина, но он сонно завозился и негодуя сграбастал меня в ещё более тесные объятия.

— Ты куда?

— В ванную, — шёпотом ответила ему.

Только после этого он выпустил меня из хватки, а я выползла из-под одеяла.

Альтара, кажется, очень удивилась, увидев меня одетой в форменные брюки и безнадежно мятую блузку, но комментировать не стала. Выманила наружу в тёмный коридор и заговорщицки прошептала:

— Нобларина... Боллар, я хотела сообщить, что в дом прибыли целители, ваша сестра, наши с Дервом кузены и даже принцесса с мужем. Это не считая отца, который вернулся ещё вчера под утро. Они все желают с вами побеседовать, однако никак не могут договориться, в каком порядке. Я решила вас предупредить...

— Спасибо...

— Если вам нужно побыть одной и... ну не знаю... немного прийти в себя, то я могу на какое-то время спрятать вас, — предложила она и опасливо обернулась, когда из дальнего конца коридора раздался шум.

— Очень великодушно с вашей стороны, но я бы скорее попросила проводить меня в ванную, которую можно использовать, — честно ответила я. — А ещё не отказалась бы от расчёски, маникюрных ножничек и свежей блузки.

— Идёмте! Я уже подготовила для вас несколько новых вещей, некоторые даже с бирками. Возьмите, если... если это для вас приемлемо. Насколько я поняла, Дерв вас похитил, не потрудившись похитить заодно и ваш саквояж. Ох уж эти мужчины, ни в чём на них нельзя положиться, даже в нормальной организации похищения, — неожиданно бойко улыбнулась она.

Растерявшись от такого неожиданно тёплого приёма, я на всякий случай уточнила:

— Почему вы мне помогаете?

— Потому что я вам верю! Я уже потом поняла, что Дервин ещё и попрощаться приходил, сразу-то не догадалась. Он же вчера не только вас обманул, но и нас с мамой тоже. Мне он сказал, что прилетел с целью жениться на девушке, но не сказал, из какого рода. Маме сказал, что хочет снять с вас проклятие, но не сказал, что собирается сделать это немедленно. Когда он уехал, мама забеспокоилась, начала меня расспрашивать, но я же обещала дать ему фору и поэтому поначалу молчала. И только когда прозвучала ваша фамилия, мы наконец всё сопоставили и помчались вас искать.

— Ваша мама злится на меня?

Альтара потянула меня за собой, поясняя по пути:

— Она определённо злится, но скорее на брата и меня, чем на вас. Всё же вы ей ничем не обязаны, а мы оба напортачили. Дерв напортачил, а я прикрывала. Именно поэтому я хотела бы вас спрятать хотя бы на какое-то время. Чтобы страсти немного остыли, а кузены отгремели своими «мы же говорили!» и привели маму в чувства. Поверьте, ей сейчас действительно сложно. Она очень не любит признавать, что была неправа, даже если дело касается мелочей. Мы с ней из-за этого часто ссоримся, так что... будьте снисходительнее и дайте ей немного времени, пожалуйста. Вы, возможно, думаете, что она — чудовище, но на самом деле это не так. Она очень даже разумна и добра, если дело не касается Болларов. В этом вопросе она всегда уходит в глухую оборону и любые аргументы пропускает мимо ушей, считая, что все Боллары — абсолютное зло.

— Поверьте, я знаю, о чём вы говорите. У меня брат такой же, — пришлось признать мне.

— Дервин несколько раз пытался уговорить маму снять с Болларов проклятие ещё до знакомства с вами. С ней говорили Кеммер, Десар и Ирвен — вместе и по отдельности. До вчерашней ночи она категорически отказывалась слушать, а что будет дальше — я пока не знаю. Я, кстати, рассказала ей, что вы вчера спасли Дервину жизнь прямо у меня на глазах, выдернув его из-под люстры.

— Как думаете, она будет ругаться?

— На вас? Вряд ли. А вот Дервину уши надерёт ещё как.

— Нельзя! — разволновалась я. — Он эмоционально... уязвим.

Альтара как раз завела меня в пустующие покои, тихонько прикрыла за собой дверь и пылливо посмотрела на меня:

— Что вы имеете в виду? Вчера вы сказали, что он не в себе...

— Он действительно не в себе, — пришлось согласиться мне. — И ему категорически противопоказаны любые тревоги. Я... я думаю, что у него развился посттравматический психоз.

Альтара уставилась на меня, широко распахнув аквамариновые глаза:

— Вы же не шутите?

— Нет, не шучу. Я не могу утверждать, но некоторые его поступки и реакции были иррациональными. Просто понимаете, я не знала его до аварии, поэтому мне оказалось сложно определить... Скажите, вы не сочли его вчерашнее поведение странным?

— Ну... немного, — признала она, а потом с отчётливым облегчением выдохнула: — То есть он просто болен...

— Пожалуйста, пригласите целителя, специализирующегося на подобных состояниях. Пусть сначала он осмотрит Дервина, а командора к нему лучше пока не подпускайте.

— Будет сделано! — кивнула Альтара.

— А я буду готова минут через пятнадцать, после чего попрошу вас проводить меня к нему. Пожалуй, начать объясняться стоит именно с ним, как с руководителем части.

— Хорошо.

Альтара ушла, оставив меня в гостевых покоях. На постели лежали платья всех оттенков красного — от кораллового до бордово-пурпурного.

Я выбрала самое яркое — амарантовое. Эх, жаль, что оно однотонное. К нему бы каких-нибудь кружавчиков салатových...

Искупавшись, надела платье, которое оказалось слишком длинным, всё же Альтара выше на несколько дюймов, так что подол слегка волочился по полу, зато в груди село, как влитое. И цвет отличный — как раз идеально подходит для кровавой расправы, которую над нами с Дервином учинят близкие.

Альтара вернулась и оценивающе осмотрела результат прихорашиваний:

— Цвет вам очень к лицу!

— Цвет замечательный, — тут же согласилась я. — Эх, ленточку бы...

— У меня есть ленточки! — с готовностью предложила Альтара. — И шляпки есть, и перчатки. Всё, что вам угодно.

— Вы слишком добры, — неуверенно улыбнулась я.

— Это я так заранее компенсирую всё, что может случиться дальше, — подмигнула она. — Идёмте, будут вам хоть ленточки, хоть заколочки, хоть шарфики.

Она привела меня в свою спальню и торжественно вручила огромную коробку с сокровищами — кружевами, шёлковыми платочками и лентами самых разных цветов и стилей.

Нам с сёстрами такое богатство даже на семерых и не снилось, а Альтара явно владела им единолично, поэтому я особо жеманничать не стала. Раз предложили — то взяла.

Увидев ослепительно ярко-жёлтые нераспакованные кружева, я тут же влюбилась — серьёзно и по-настоящему. Так-то если подумать, то кружева любить куда безопаснее, чем курсантов. Они и не похитят, и не обманут, и гладить их можно без опаски, что они не то подумают и приставать потом начнут. Или не начнут!

В общем, я отвлеклась.

Мой выбор Альтаре явно удивил, и она недоумённо уточнила:

— Э-э-эти? Вы уверены?

— Абсолютно! — воодушевлённо воскликнула я и тут же принялась примерять кружева к платью.

Вместе они засияли настолько вызывающе ярко, что у сестёр обязательно случился бы приступ глазозакатывания, а значит, я сделала верный выбор.

В четыре руки мы быстро наметали кружева на край выреза, манжеты и под грудь, а потом Альтара принесла из гардероба потрясающий жакет цвета мартельских гусениц и отдала мне со словами:

— Дарю. Я его купила года два назад, но так ни разу и не надела.

— О-о-о, — я в восторге примерила обновку и осталась довольна. — Ну всё, ведите меня на растерзание вашим родственникам, нобларина Местр.

Она чуть наклонила голову вбок и сказала:

— Знаете, утром я считала, что вас нужно прятать от них, но теперь думаю: возможно, стоило прятать их от вас. Идёмте, нобларина Боллар или, вернее, тоже Местр.

— Можно просто Лира, — предложила я.

— Тогда я для вас — Тара, — довольно кивнула она и, подхватив меня под локоть, с решительностью локомотива потащила на первый в моей жизни семейный скандал с родственниками мужа.

Глава 26

Первое новебриля. Вечер Лиора Местр

Командор Блайнер ожидал в малой гостиной, и я зря рассчитывала на то, что он будет один. Кайра с Десаром присутствовали тоже, а вместе с ними — незнакомая пара, та самая принцесса и тот самый норт.

Я честно старалась не пялиться и не хихикать, но почему-то все журнальные статеечки разом воскресли в памяти, чем очень мешали прочувствовать всю глубину моего морального падения и всю серьёзность предстоящего разбора полётов — как фигуральных, так и фактически состоявшихся.

Фундаментальная проблема любого желающего меня отругать всегда состояла в том, что я, во-первых, постоянно отвлекалась от процесса и не относилась к нему с должным пиететом, а во-вторых, за годы выработала довольно приличный иммунитет к разного рода отчитываниям, нотациям и повышениям голоса. Так что если командор Блайнер не собирался меня выпороть (а ради его собственного блага я надеялась, что он не собирался), то результатом разговора он наверняка будет расстроен куда сильнее меня.

Сестра шагнула ко мне и обняла, а потом повернула моё лицо так, чтобы рассмотреть печать, цокнула, но комментировать не стала, что для неё вообще-то не очень характерно.

Дабы сразу обозначить, что ничьих похоронных настроений не разделяю, я широко улыбнулась и со всеми поздоровалась. Ну чего они в самом деле? Ведь могло получиться гораздо, нет — ГОРАЗДО хуже!

С трудом оторвав взгляд от самой обсуждаемой парочки Лоарельской Империи, максимально светским тоном спросила у зятя:

— Как добрались, командор Блайнер?

У него отчётливо дёрнулся глаз. Эх, не следит Адель за мужем! Надо будет ей намекнуть, чтобы ванну расслабляющую ему устроила, а то совсем нервный стал, бедолага.

— Мы бы предпочли сюда не добираться, Лиора. Лучше скажите: как вы себя чувствуете?

— Прекрасно! — жизнерадостно объявила я. — Выгорела немножко, но с кем не бывает! — и беззаботно пожала плечами, продолжая широко улыбаться.

В любой самой паршивой ситуации всегда есть плюсы. Например, на дежурства в ближайшие дни мне ходить однозначно не нужно, можно отоспаться. А ещё в Ретере наверняка есть какие-нибудь аутентичные местные сладости, и пусть Дервин только попробует меня ими не покормить!

— Лира, в чём дело? — озабоченно спросила Кайра.

— Ни в чём, — захлопала ресницами я, старательно не косясь на принцессу и норта.

Вообще, так и окосеть можно. Кстати, пара красивая. Она вся такая сбитая, округлая, а он — высоченный и широкоплечий. Не сказать, что писанный красавчик, тот же Дервин куда симпатичнее, но что-то в нём определённо есть. Оба блондины, как водится среди полуночников, а принцесса ещё и с длиннющей косой — как водится у императорской семьи. Её муж кудряв, но вот тут уж не скажу — водится так у нортов или это лично его инициатива.

— Лиора, расскажите, пожалуйста, что произошло тридцать шестого октября? — с нажимом спросил командор Блайнер.

— Не помню точно, вроде бы в столовой давали пироги с рыбой, — подумав, ответила я. — И, кажется, было ветрено.

Принцесса отчётливо хихикнула, а Кайра демонстративно фыркнула:

— Я говорила, что ничего вы от Лиры не добьётесь. Никто так виртуозно не умеет включать дуру, как она.

— Неправда, я училась у Эвы, — доверительно сообщила я, по-прежнему хлопая ресницами.

Дело в том, что стратегию поведения я пока не продумала, с Дервином не посоветовалась и что рассказывать волнующейся общественности — не знала.

Эх, поторопилась я идти беседовать с командором, поэтому сейчас надеялась, что он просто... отстанет. Хотя умом, конечно, понимала, что этот блейз если вцепился, то челюсти уже не разомкнёт.

— Лиора, скажите честно: Дервин вас похитил? — спросил зять, с которым мы сохраняли некую рабочую дистанцию.

На службе он вообще чаще всего называл меня капралом Боллар, а Лиорой — только если требовалось выделить, какой именно из двух капралов-близнецов ему требуется. Хотя иногда закрадывалось подозрение, что ему было всё равно: какая первая откликнулась, к той якобы и обращался.

Я всё ещё хлопала ресницами и улыбалась, обдумывая, как бы ему так ответить, чтобы ничего не отвечать.

— Вы знаете, я бы не стала вот так брать и навешивать ярлыки... — протянула я, топя его в своей лучезарности. — Просто... ну, скажем так, я сопровождала пациента, которому без моего присутствия было очень плохо. А там... ну, отвлеклась немножко, и оказалось, что мы уже почти в Ретере, не поворачивать же обратно?

— Лиора, вы давали согласие на то, чтобы лететь с Дервином? — строго спросил командор Блайнер.

— Определённо давала, просто не сразу. Где-то ближе к концу полёта, — ответила я. — Вы просто поймите: Дервин совершенно не в себе. Ему нужен врач.

— В каком смысле «не в себе»? — нахмурился зять.

— В прямом. Я вам с самого начала говорила, что у него был шок, ступор, сильная реакция. Боюсь, что у него развилось посттравматическое расстройство, и он не совсем отдавал себе отчёт в том, что делал. Его никак нельзя за это осуждать и наказывать, требуется в первую очередь оказать ему медицинскую помощь, дать длительный отпуск для восстановления, — принялась перечислять я, потому что, судя по виду командора Блайнера, если он и хотел что-то дать Дервину, то явно не отпуск.

— То есть, по вашим заверениям, он не в себе? — скептически спросил зять, явно проявляя к моим заверениям преступное недоверие.

А ещё родственник называется! Вот нажалуюсь на него Адели, будет знать!

— Он определённо не в себе, — кивнула я.

— Зачем же вы тогда за него замуж вышли? — сощурился командор, застав этим вопросом меня врасплох.

Вместо ответа я принялась задумчиво разглядывать обстановку: малая гостиная была выполнена в сдержанных тонах от шоколадного до светло-бежевого. Каштановый паркет на полу приятно контрастировал с бисквитного цвета пушистым ковром, напоминающим корж от торта. Интересно, это шерсть или какой-то другой материал? И если шерсть, то какая?

Эх, жаль неприлично нагнуться и потрогать мягкий ворс. На вид он кажется очень приятным на ощупь, а узор...

— Лиора! — отвлёк меня от созерцания ковра командор. — Зачем вы вышли замуж за Дервина, если считали, что он не в себе?

— Он был очень убедителен в своих доводах и говорил, что знает способ снять с меня проклятие. К сожалению, всю глубину его... невсебешности я осознала только после заключения брака.

— Вы же сказали, что знали, что он не в себе, ещё когда он находился в маголёте? — снова попытался загнать меня в ловушку командор, но не на ту попал.

— Знаете что? Я не собираюсь свидетельствовать против собственного супруга, — наконец нашлась я. — Имею право по закону!

— По какому закону? — чуть раздражённо спросил зять. — Нет такого закона!

— Как это «нет такого закона»? — искренне возмутилась я. — То есть дебильный закон о налоге на безбрачие есть, а нормального закона о том, что супруги имеют право не свидетельствовать друг против друга — нет?

Норт внезапно толкнул локтем принцессу и шёпотом пробасил:

— Валюш, ты записывай, записывай. Боллар дело говорит, потом до бати своего донесёшь информацию.

Я в очередной раз скосила глаза на эту парочку и забыла, что ещё хотела сказать.

— Я так понимаю, что вы никаких обвинений против Дервина выдвигать не будете? — после паузы подытожил командор.

— Против себя тоже не буду. Я, можно сказать, оставалась рядом с пациентом в глубоком кризисе. Как медик. Ему действительно было очень плохо без меня. Кого хотите спросите — хоть бы даже и жреца, — заверила я и только по тому, как снова сощурился зять, поняла, что проговорилась.

— Жреца, значит...

— Я имею в виду, что жрец... ну он как бы в курсе... чисто со стороны ему многое видно... — залепетала я, желая откусить себе язык.

Ну вот кто за него тянул?

— То есть жрец в этом участвовал?

— Побойтесь гнева Луноликой, разве можно говорить такие вещи о его праведности Валентайне? — схватила я за грудь. — Он же нам всем как отец родной... то есть как дед! Как дед родной... или даже прадед...

— Ким, напомни-ка мне, это тот самый жрец, который поженил вас с Аделью вопреки отсутствию разрешения со стороны Болларов? — с невинным видом уточнил Десар Блайнер. — Согласен: такого праведного человека ни в коем случае нельзя подозревать во всяких неправедностях, — обстоятельным тоном закончил он.

Норт залиvisto хохотнул и явно хотел что-то ещё добавить, но сдержался.

— Лиора, я сейчас абсолютно серьёзно спрашиваю: вы действительно утверждаете, что Дервин не в себе? Вы готовы сказать это под присягой?

— Готова. Дервин не в себе, — сглотнув, повторила я. — Просто я не сразу это поняла.

— Это, конечно, очень прискорбная ошибка с вашей стороны, особенно учитывая весь ваш многолетний профессиональный опыт и особенно годы экспертизы в области психиатрии, — осуждающе цокнул Десар Блайнер, и я на мгновение вспыхнула, чтобы начать с ним спорить, но...

Кайра насмешливо фыркнула снова, а командор обернулся к брату и сказал:

— Не лезь.

— Я всего лишь обращаю внимание на факты: перед нами врач с десятилетним багажом опыта за плечами, классическим образованием в академии, дипломной работой в области посттравматических расстройств, которая сама находится в глубоко эмоционально стабильном состоянии, у ног которой не потерпел крушение маголёт, и жизни которой не угрожала опасность. Безусловно, она просто халатна: должна была распознать признаки расстройства у Дервина, перехватить управление маголётом, посадить его в части, а потом ещё и помыть — вдруг запылится. Кстати, отмечу, что она ещё и дар, возможно, потеряла. Очень безответственное отношение к казённому имуществу. Сделай ей выговор, Ким. С занесением, — с невозмутимо деловым лицом посоветовал Десар.

Я было открыла рот, чтобы начать спорить, но закрыла, когда Кайра прыснула, одобрительно глядя на мужа.

Это что, у него такая странная манера общения? Доводить всё до абсурда?

— А ну, проваливай-ка лучше отсюда, — не выдержал командор.

— То есть как срываться и искать твой маголёт, так Десар, а как выражать профессиональную оценку — так проваливай? — ни капли не впечатлился тот и с места не сдвинулся.

— Я всего лишь пытаюсь разобраться в ситуации! — рявкнул командор.

— А, ну тогда подождём ещё немного, пока разберёшься, — миролюбиво заметил Десар. — Согласен, тут всё очень неочевидно. Жертва похищения явно сильнейшим образом пострадала от поступков злоумышленника, который, конечно же, действовал исключительно хладнокровно и расчётливо, преследуя свои эгоистичные интересы! Кстати, какие? — нарочито озадаченно спросил он.

— Что?

— Мотивация какая у нашего кузена была? Опорочить честь нобларины и надругаться над ней, так ведь? Ну не меньше, судя по твоей реакции.

— Ничего он не опорочил и не надругался! Он даже пальцем ко мне не притронулся! — заверила я.

— Ничего, дадим ему время, может, ещё исправится, — подмигнул мне Десар и одарил такой обаятельной улыбкой, что я наконец поняла, почему Кайра выбрала именно его.

Из них получилась очень красивая пара — оба высокие, атлетически сложенные, насмешливые и какие-то... необычные, что ли?

— Это не отменяет того факта, что Дервин угнал мой маголёт! — хмуро припечатал командор.

— Однозначно! — горячо поддержал Десар. — Воистину так! Ужасная, отвратительная привычка — брать чужие вещи, а потом терять их, ломать, мочить... Ну, знаешь, как один мой знакомый без разрешения взял у меня любимую книгу и оставил в беседке под дождём, отчего она пришла в полную негодность, потом сломал мою подзорную трубу, которую я запретил ему трогать...

— Да причём тут это? Мы тогда были детьми! — рыкнул командор.

— Да? А разве мою ту самую удобную кобуру ты без спроса взял и потерял не когда уже был курсантом в своей эскадрилье? — ехидно спросил Десар. — К чести Дервина нужно отметить, что твой маголёт он хотя бы не потерял и не разбил, однако соглашусь на все сто: дико раздражают родственнички, которые без спроса берут твои вещи и потом делают вид, что ничего страшного не случилось.

— Ты вообще на чьей стороне?

— На стороне «посмотреть, как ты бесишься», — ответил Десар, дразня старшего брата своим невинным видом. — Разве я мог пропустить это? Честно, я бы себе ногти от досады сгрыз. На ногах.

— Угон маголёта из части — совершенно недопустимое поведение со стороны курсанта! — не отступал командор. — И за это я могу отправить Дервина под трибунал.

— Можешь, — тут же согласился Десар. — Однако смею тебе напомнить, что ты сам хотел, чтобы он служил в твоей части, и обещал тёте за ним присматривать. Сам вызвался. Я ей, кстати, подкину мыслишку задать тебе вопрос, почему ты не сообщил о ранении Дервина и не отправил его куда-нибудь на воды лечить нервишки после того, как всё произошло.

— Я не могу просто вот так взять и отправить подчинённого «куда-нибудь на воды лечить нервишки», — передразнил командор. — Рапорт я написал, однако до тех пор, пока идёт расследование причин крушения, а сам курсант получает медицинскую помощь в полном объёме, он должен оставаться в части как свидетель. Все вопросы — к уставу и Имперской Канцелярии.

— Ты всё же записывай, — снова легонько пихнул принцессу норт. — Опять к батю твоему вопросы.

— Да я не удивлюсь, если окажется, что это он во всём виноват, — шёпотом ответила она. — Где всё случилось? В Империи! А кто Империей управляет? Папа! Значит, плохо управляет, очевидно же!

Я не выдержала и рассмеялась.

В общем, если командор Блайнер и собирался меня отчитывать, то уже понял, что дело не выгорит. Он перевёл на меня взгляд и тяжело вздохнул:

— Лиора, я спрошу вне протокола и даю слово, что твой ответ никак не будет использован против тебя или Дервина. Спрошу не как командор, а как муж твоей сестры: ты в порядке? Тебе нужна помощь? Ты хочешь вернуться домой?

Подумав, я ответила:

— Я хочу быть рядом с Дервином. Я действительно считаю, что у него случился посттравматический или даже постоперационный психоз. И я, возможно, виновата в этом сама. Дело в том, что я его прооперировала, забыв усыпить, — наконец призналась я. — Он несколько часов вынужден был смотреть, как я собираю его ногу по кусочкам. Поверьте, это тяжёлое зрелище. Неудивительно, что он... ну... не в себе. Извините. Мне очень жаль. Я не нарочно.

В комнате воцарилась тишина, и именно благодаря ей стали слышны торопливые, тяжёлые шаги за дверью. Она резко распахнулась, и в малую гостиную влетел Дервин. Он в два неловких шага оказался рядом со мной, целиком заслонил собой от собравшихся и посмотрел на командора Блайнера:

— Ким, Лира ничего плохого не сделала. Ответственность целиком на мне. Это я похитил её из части и убедил выйти за меня замуж, сказав, что знаю, как снять проклятие.

Я вынырнула у него из-за спины и встала впереди, обратившись к остальным:

— Это совершенно не так, я настаиваю на консультации профильного специалиста. Налицо навязчивая идея и структурированный бред, которые поначалу могут казаться очень убедительными и логичными.

Дервин снова задвинул меня себе за спину и сказал:

— Я полностью отдавал себе отчёт в своих действиях!

Я снова обогнула его и встала перед ним лицом к остальным:

— Совершенно не отдавал никакого отчёта, даже самого завалященького, в связи с чем применять какие-либо дисциплинарные меры категорически нельзя. Это я как врач говорю.

Он снова загородил меня собой, а я снова упрямо встала перед ним. Так как он всё ещё прихрамывал, то у меня было некоторое преимущество.

— Лира! — возмущённо развернул он меня к себе.

— Дервин! — тем же тоном отозвалась я.

— Никто твою Лиору не ругает, мы всего лишь хотели убедиться, что она в порядке, — раздражённо вклинился командор Блайнер. — И даже тебя никто ругать не будет до тех пор, пока мы не убедимся, что ты тоже в порядке.

Дервин ошутимо расслабился, наконец оставил попытки спасти меня от несуществующего гнева командора и позволил встать перед собой, но положил ладони на плечи, а на кузенов смотрел теперь поверх моей макушки — он как раз был ровно на голову выше. Я чуть подалась назад, опершись на его грудь и давая понять, что я рядом и не злюсь на него.

— Даже не знаю... — протянул вдруг Десар. — Ким, тебе сколько ещё времени нужно, чтобы разобраться в ситуации? Месяца хватит? Ты — парень хваткий и намёки ловишь обычно на лету, но тут действительно всё очень и очень неоднозначно...

— Да ладно вам, ребята, — миролюбиво пробасил норт. — Чего вы? Как говорится, и не такие метели нам в рожу летели.

Ответить никто не успел. В дверях появилась Альтара и сказала:

— Там прибыл врач и хочет осмотреть Дервина, а мама настаивает на том, чтобы поговорить с нобларинной Боллар. Наедине.

— Думаю, нам всем стоит привыкать называть её нобларинной Местр, — наконец заметил Десар.

От осознания, что я теперь делю имя с той самой Моэрой, которая прокляла наш род, меня бросило в нехороший жар.

Шутки шутками, но... ответить за свои действия всё же придётся.

Дервин повернулся к сестре и сказал:

— Категорическое нет.

Альтара иронично выгнула бровь:

— То есть как жертвовать собой и оставлять её тут вообще одну, без одежды и денег в незнакомом городе, так это ты первый. А как ей с мамой поговорить в доме, полном гостей, включая её старшую сестру — так это ни в коем случае. Очень последовательно и рационально, ноблард Похититель.

Дервин смутился, порозовел и огрызнулся:

— Ничего бы ей мама не сделала!

— А теперь и подавно ничего не сделает, — уверенно парировала Альтара, глядя на старшего брата с насмешливым вызовом. — Но если хочешь, я попрошу, чтобы па-а-апа тоже присутствовал.

Не знаю, с чего она решила, что от наличия при разговоре ещё и па-а-апы мне должно стать легче, однако окружающих это почему-то успокоило. Лица собравшихся, включая даже Кайру, сделались такими понимающими и расслабленными: «а-а-а, ну раз па-а-апа будет, тогда ладно».

Стало любопытно: что там за папа такой? Какой вообще может быть муж у Моэры Блайнер? То есть Местр?

И если Дервин пошёл не в неё (а мне упорно казалось, что совсем не в неё), то ничего страшного в па-а-апе нет. Пусть присутствует.

Я взяла Дервина за руку и сказала:

— Не беспокойся, всё будет нормально. Иди поговори с врачом, это важнее.

— Я в порядке и никакой врач мне не нужен! — насупился Дервин. — И никакого психоза у меня нет, зря ты переполошила родителей и Тару.

Я осуждающе посмотрела на золовку. Вообще-то такие вещи надо сообщать пациентам крайне осторожно и лучше — уже после исцеления.

Она широко распахнула аквамариновые глаза и заверила:

— Я ему ничего не говорила!

— Я сам услышал, — отрезал Дервин. — Но в любом случае я прекрасно себя чувствую и полностью осознаю свои действия. — Он повернулся к командору и сказал: — Прошу прощения за свой неблагоприятный поступок, я крайне сожалею о том, что подорвал твоё доверие и без спроса взял маголёт. Этого больше не повторится, можешь быть уверен.

— А мы-то думали, что ты каждую неделю будешь что-нибудь угонять, похищать какую-нибудь нобларину и жениться на ней! — саркастично ответил Кеммер. — Между прочим, ни разу не слышал об угоне поезда или корабля, а у Болларов ещё три незамужние сестры. Честно говоря, рановато ты решил завершить карьеру...

— Очень смешно, — бесстрастно прокомментировал Дервин.

— Ну... нет так нет, — ещё раз вздохнул Десар. — Видишь, Ким, это больше не повторится. Можешь расслабиться. Не иначе как твоя воспитательная работа возымела действие...

Пока зятя мерились взглядами, я очень выразительно посмотрела на Дервина и спросила:

— Можно тебя на минутку?

Он взял меня за руку и отвёл в библиотеку, где мы наконец оказались вдвоём.

Я обхватила ладонями его лицо и всмотрелась в глаза, пытаюсь понять, стало ли ему лучше. Он сначала положил тёплые ладони мне на локти, а потом провёл чуть выше, до плеч, отчего у меня в теле случилась мурашечная буря.

— Никогда больше меня так не пугай, пожалуйста. Если бы ты погиб, я бы никогда себе этого не простила.

Я не хотела ни в чём его обвинять и волновать, но всё получилось как-то само. И слёзы на глаза навернулись тоже сами.

— Лира, — виновато выдохнул он.

— Я тебе доверилась, а ты... — всхлипнула я.

— Лирочка, прости. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— Ну знаешь! — шмыгнула я носом. — Раз хочешь, то давай, подсуетись как-то. Начнём с того, что твоя смерть меня счастливой не сделает.

— А что сделает? — робко спросил он.

Если честно, ответить хотелось что-то романтическое и запоминающееся, но в голову лезли только всякие глупости и почему-то ковёр. Нормально ли просить ковёр в такой ситуации? Но уж больно хорош... Причём ковёр отчего-то захотелось именно тот, из малой гостиной. Новый не принёс бы такого удовлетворения и ощущения трофейности. Кстати, портьеры тоже красивые, отлично подходят к ковру...

Дервин притянул меня к себе и обнял, уткнувшись носом в височную печать, навсегда изменившуюся прошлой ночью.

— Лира...

Мы стояли так добрых минут пять, и впервые в жизни меня не дёргало и не подмывало разомкнуть объятия и начать заниматься чем-то ещё. Я наслаждалась моментом до тех пор, пока Дервин не сказал:

— Я понимаю, что ты будешь настаивать на аннуляции брака. Не думаю, что ты захочешь носить фамилию Местр. Даю слово, что ни в чём не буду препятствовать и не позволю никому тебя обижать. И верну тебя домой, если хочешь, только договорюсь о том, какой маголёт взять.

Какая жалость, что в библиотеке не было металлических медицинских лотков. Если бы у меня хоть один был под рукой, я бы однозначно не удержалась и звонко стукнула бы им Дервина прямо по лбу. Б-б-б-а-а-м-м-м! Это за то, что не будет препятствовать. И ещё один разок за то, что собрался отвезти меня домой. Ага, к брату в объятия, в которых он меня и задушит — от большой любви к Местрам и спонтанным бракам с ними.

— Целитель сказал, что магические воздействия мне сейчас категорически запрещены, — проговорила я, обидевшись. — Так что как бы сильно ты ни хотел избавиться от нашего брака, придётся потерпеть.

Отпихнула его и отошла в сторону, всё ещё остро сожалея об отсутствии медицинского лотка, хотя сгодился бы любой инструмент. Зажим, а лучше зонд. Впрочем, скальпель тоже подошёл бы.

— Я что-то не то сказал? — растерянно спросил Дервин, а мне захотелось истерически расхохотаться.

И этот догадливый гений мой муж. Мой муж...

От осознания ситуации меня слегка затрясло.

Дервин шагнул ко мне и попытался заглянуть в глаза:

— Лира, я не говорю, что хочу избавиться от нашего брака.

— Но ты уже сто раз дал понять, насколько тебе не терпится его аннулировать! — не выдержала я.

Повышать голос точно не стоило, это было жутко непрофессионально и вообще глупо, но во мне говорила обида.

— Лир... а ты что, не хочешь аннулировать брак? — удивлённо спросил он.
У меня затряслись руки, а из горла вырвался истеричный смешок.
О чём я вообще думала, когда соглашалась выйти замуж за Дервина?

Глава 27

Первое новебриля. Поздний вечер Дервин Местр

Реакция Лиоры одновременно смутила и изумила.

Не может же она всерьёз хотеть остаться замужем за ним? Он же Местр! Не просто Местр, а ещё и хромой Местр без карьерных перспектив. За опаивание дежурных и угон маголёта его однозначно уволят из части и ещё неизвестно, чем дело кончится. Может, трибуналом.

А даже если и нет — чем вообще заниматься боевому магу, если не служить у Разлома, в СИБе или дознании? В голову ничего толкового не приходило, Дервин вообще с трудом представлял, как для мужчины возможно не служить. Может, маголёты перегонять от завода к Разлому?.. Или лётчиком-испытателем пойти? Туда, говорят, постоянно нужны новые кадры, всё-таки не самая безопасная профессия.

— Лира, послушай... — он так много хотел сказать, что запутался в том, с чего лучше начать, и забуксовал в мутном потоке разрозненных мыслей.

— Ну?.. — недовольно отозвалась она, нетерпеливо притопывая ногой.

— Я... просто... даже не предполагал, что ты можешь захотеть со мной остаться, — сбивчиво пояснил он. — Ты же такая... такая... красивая, добрая, нежная... Да ты кого угодно можешь в мужья выбрать, хоть бы даже и принца! Кого угодно...

Каким-то образом его слова только хуже сделали. Лира почему-то расстроилась окончательно, и он виновато замолчал, ощущая, как сгущается вокруг тихий полумрак библиотеки.

— Лира, я не понимаю...

— Уйди лучше, — всхлипнула она.

Он вконец растерялся. Уходить не хотелось, он чувствовал, что это плохой вариант, но и оставаться против её воли — тоже неправильно! Альтара и мама за такое скормили бы его диким блейзам, обе всегда яро отстаивали право на личное пространство и если требовали уйти, то действительно имели это в виду. А Лира в их доме совсем одна, ещё и дара лишена. Некрасиво в такой ситуации навязываться и загонять её в угол. Если она просит, чтобы он ушёл, то нужно уйти, несмотря на то, что делать этого отчаянно не хочется.

— Ты уверена? — на всякий случай спросил он, давая себе крошечную надежду.

— Уверена! — чуть не рыдая, отозвалась Лира.

Вопреки мощному порыву не слушать её слова, шагнуть поближе и утешающе обнять, Дервин кивнул, напомнив себе о том, что желания Лире должны стоять выше его собственных.

— Хорошо, — принял он её ответ. — Я скажу Таре, что ты здесь.

Он вышел, ощущая как на плечи снова опускается знакомый груз неправильности.

Первым делом он направился к матери, только в покоях её не оказалось.

Она уже была на ногах и перебирала записи в своём кабинете. Вроде и одета с иголки, и уложена, и ухожена — как всегда! — однако в её жестах сквозило нечто новое, пока непонятное. Какая-то странная замедленность, если не обречённость.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дервин, когда она обернулась на звук его шагов.

Мать посмотрела на него со смесью укоризны, досады и жалости.

— Нормально. Учитывая обстоятельства, даже неплохо, — сдержанно ответила она.

— Тара сказала, что ты хочешь поговорить с Лирой. Мама, Лира ни в чём не виновата. Я убедил её в том, что знаю способ снять проклятие. Просто иначе она бы не согласилась...

— Мы с Моной уже говорили об этом и примерно представляем, что именно произошло, — раздался голос отца. Он вошёл в кабинет бесшумно, а затем приблизился и положил руку

Дервину на плечо. — Тебя ждёт врач. Он хочет обсудить случившееся. Пожалуйста, не отвергай его попытки тебе помочь.

— А Лира...

— Дервин, она — твоя жена. Никто в этом доме не сделает твоей жене ничего плохого.

Даю слово, — заверил отец.

Они были очень похожи внешне — и ростом, и чертами лица, и цветом глаз. Разве что Витальд Местр был куда светлее сына, который пошёл в более тёмную Блайнеровскую породу.

— Она очень расстроена, — сглотнув, сказал Дервин.

— Неужели? — саркастично спросила мать. — Интересно, с чего бы?

— Мона, — с ласковым укором остановил её отец. — Ситуация очень сложная, Лиору можно понять. Сначала Дервин ввёл её в заблуждение, потом она лишилась дара, а теперь вынуждена оставаться в нашем доме, не зная, как мыотреагируем на случившееся, и закономерно опасаясь. Разумеется, она расстроена, — подытожил Витальд Местр. — И ты расстроена не меньше. Но ты старше, опытнее и мудрее.

— Я расстроена не из-за того, как поступала она! — воскликнула мать. — Она мне ничем не обязана! Я в шоке от того, насколько глупо и опрометчиво вёл себя мой собственный сын!

Дервин внутренне сжался в комок, но отступить не собирался. Хотел ответить, но первым заговорил отец:

— Хочу тебе напомнить, что когда я выбил перевод в Чейстрез и поехал следом за тобой, все окружающие тоже сочли это наитупейшим поступком. Непосредственный руководитель тогда назвал моё прошение дипломатическим суицидом, а отец был категорически против намерения на тебе жениться после всех скандалов, связанных с твоим именем. И тем не менее я ни секунды не пожалел о принятом решении. На некоторые поступки нужно смотреть сквозь призму времени. Ошибка — это то, о чём ты впоследствии жалеешь, Мона. Дервин, ты жалеешь о том, как поступил?

Он отрицательно покачал головой:

— Лира не заслужила проклятия.

Мать достала кипенно-белый платок и промокнула увлажнившиеся глаза.

— Но из-за Дервина...

— Не из-за Дервина. Это было твоё решение, Мона. Да, это решение спровоцировано его поступком, но это было твоё решение.

— Но иначе он бы погиб! — опустошённо ответила Моэра Местр, не глядя на сына.

— А это было его решение, — монотонно, словно уже в сотый раз подряд повторил отец.

— Он понимал риски. Значит, снять проклятие с Лиоры для него было важнее.

— Важнее жизни, важнее карьеры, важнее семьи? — всхлипнула Моэра. — Неужели нельзя было подождать, рассмотреть варианты, попробовать какие-то другие способы?!

— Прости, мам... — признал свою вину Дервин.

— Ах, лучше молчи! — нервно воскликнула она.

Отец Дервина подошёл к ней, обнял за плечи и жестом показал сыну уходить.

Тот ещё несколько минут переминался с больной ноги на здоровую, пытаясь понять, что не так, и наконец осознал: височную печать на лице матери было практически не видно. Она истончилась и выцвела до такой степени, что стала едва различимой, хотя раньше горела ярко.

Неужели мать выгорела навсегда?

Чувство вины сдавило горло.

Лучше бы она вообще не вмешивалась! Наверняка у жреца получилось бы его воскресить.

Или лучше бы дар потерял сам Дервин! Хотя магии в себе он почти не ощущал, однако не ощущал и её отсутствия. Ритуал высосал из него магические силы, но их всегда было так много, что и не жаль в общем-то. Даже легче стало: не нужно постоянно концентрироваться

на сдерживании бешеного дара, бьющего во все стороны молниями. Какое-то глубинное чувство подсказывало, что опустошение — временное. Короткая передышка, после которой дар обязательно вернётся. То же самое глубинное чувство помогало узнавать Лиору в компании похожих на неё сестёр, а также подталкивало, а вернее даже гнало ей навстречу, и Дервин прислушивался к нему, даже когда не хотел этого.

— Что с твоим даром, мама?

— Он выгорел, — ответил отец. — Мы, конечно, попробуем разные способы его пробудить, однако...

— Не сработают никакие способы, — резко оборвала мать. — Я всегда знала, что попытка снять это проклятие закончится смертью или выгоранием.

— Мне очень жаль, мама.

— Надеюсь, твоя Лиора того стоит, — едко проговорила она и отвернулась.

— Лиора ни в чём не виновата...

— Да знаю я! Знаю! Что ты заладил?! Её никто ни в чём и не обвиняет!

— Я предложил ей аннулировать брак, если она захочет, — сказал Дервин.

Отец удивлённо вскинул брови:

— Даже так?

— Если честно... я не особо думал о том, что будет после снятия проклятия.

— Да ты вообще не особо думал, судя по всему, — прерывисто выдохнула Моэра Местр, явно разочарованная его поступками.

— Ну... да, наверное, — признал Дервин. — Я просто хотел освободить Лиру от проклятия.

— Сын, я бы на твоём месте не стал сейчас предпринимать никаких необратимых действий. Судя по тому, что ты предлагаешь аннуляцию, консуммировать брак вы ещё не успели?

— Нет. И я не собираюсь на этом настаивать. И даже предлагать не собираюсь. Это... оскорбительно, наверное. Может, ей вообще кто-то другой нравится, я даже не спрашивал.

Моэра Местр выразительно посмотрела на мужа:

— Заниматься с Десаром у тебя время было, а с родным сыном — не было. И вот результат. Горизонт планирования, как у подёнки — на полтора часа вперёд.

— Мона, пожалуйста, держи себя в руках. Мы не можем изменить то, что уже случилось, однако от нашей реакции сегодня зависит то, какой будет наша жизнь завтра. Эмоции остынут, а сказанные в запале слова останутся в памяти надолго. Помни, о чём мы с тобой говорили.

Моэра Местр отвернулась к стеллажу и замерла, делая глубокие вдохи и разглядывая книги. Они стояли на полках, выступая молчаливыми свидетелями разворачивающейся семейной драмы.

Напольные часы нарочито медленно отмеряли время, казалось, будто секунды растягивались в минуты, а те растекались по мебели из тёмного дерева, впитывались в корешки книг, заливали бумаги на столе и длились, длились, длились.

— Я просто... в шоке, что Дервин... что именно Дервин... Ладно Альтара, от неё можно ожидать чего угодно. Но Дервин! Вот так одним махом перечеркнуть годы подготовки, получения образования, тренировок...

— Если бы не Лиора, их бы всё равно не было, — сказал Дервин. — Ничего бы этого не было. Я обязан ей жизнью. И я пытался разобраться с проклятием сам.

Мать закрыла глаза и ещё раз очень глубоко вздохнула, пытаясь вернуть душевное равновесие. Однако получалось плохо, что было прекрасно видно и Дервину, и его отцу. Тот подошёл к сыну, подхватил под локоть и повёл на выход, а когда они оказались за дверью кабинета, сказал:

— Дерв, ты можешь пообещать мне, что не станешь сейчас действовать опрометчиво? Проклятие уже снято, вы с Лиорой уже женаты. Можно выдохнуть и спокойно разобраться с последствиями, ведь так?

— Ну да... наверное. А как же мама? Как она будет без дара?

— Полуденники же как-то без него живут. И выгоревшие маги тоже. Все приспособляются. Нужно дать ей время привыкнуть к новой реальности. Понятно, что сейчас она ошеломлена и зла.

— Она вправе говорить мне что угодно, только пусть не трогает Лиору.

— Я за этим прослежу. Кстати, я уже отдал распоряжения подготовить для вас гостевой дом. Думаю, для всех будет лучше, если вы с ней на какое-то время поселитесь там. Я настоятельно не рекомендую вам возвращаться в столицу до тех пор, пока мы не решим вопрос с Бреуром Болларом. Не хватало ещё дуэли между вами двумя. Ты сейчас явно не в форме, чтобы достойно защищаться, — увидев, что приведённые аргументы не произвели особого впечатления, отец добавил: — Да и представь, каково будет Лиоре наблюдать, как сцепятся её муж и брат.

Вот теперь Дервин кивнул. Отец как всегда был прав и говорил разумные вещи.

— Папа, мне нужны деньги. У Лиры нет никаких вещей, нам нужно что-то купить для неё. И вообще... Я хочу показать ей город. Ты не думай, я потом пришлю тебе чек на все расходы. Мне же платили курсантское жалование, а тратить его было особо некуда.

Витальд Местр похлопал сына по плечу:

— Меня в первую очередь волнуют твоё здоровье и состояние. Трать столько, сколько считаешь нужным. Думаю, это всё равно будут гроши по сравнению с тем, какую компенсацию запросят Боллары.

Дервин хотел сказать, что его смерть была бы лучшей компенсацией для Бреура Боллара, но вместо этого предложил:

— Давай лучше я сам разберусь с братом Лиоры. Это я наломал дров, мне и разгрести последствия.

— Дров ты действительно наломал, но разве семья не должна сплачиваться как раз в таких случаях? — вкрадчиво спросил отец. — Я всегда подозревал, что рано или поздно проклятье выльется во что-то подобное, так что не могу сделать вид, будто удивлён. Правда, мы с твоей мамой считали, что резьбу тебе сорвёт на Кайре, и облегчённо выдохнули, когда на ней женился Десар. Кто же знал, что судьба заготовила совсем иной поворот. Дерв, на тебя очень многое свалилось за последние дни. Покушение на принца, смерть товарища, операция, хромота. Конечно, ты обязан Лиоре, и я понимаю твоё стремление снять с неё проклятие. Только сейчас очень прошу: не торопись ни с какими решениями. Не настаивай ни на консуммации брака, ни на его аннуляции, пока ты сам не разберёшься в том, чего хочешь.

— Так я знаю, чего я хочу. Вопрос в том, чего хочет Лиора. Это важнее, — ответил Дервин, глядя на отца.

— Хорошо, пусть так. Но не забывай, что она тоже растеряна и через все эти травматичные события прошла фактически вместе с тобой. Дай вам обоим время присмотреться друг к другу и определиться с тем, чего вы хотите от будущего. Поговори с врачом, а мне сейчас лучше побыть с твоей мамой. Её некому поддержать, кроме меня, а она чувствует, будто вы с Альтарой оборачиваетесь против неё и принимаете сторону Лиоры.

— Мы не принимаем ничью сторону, мы просто отказываемся ненавидеть всех Болларов без разбора только потому, что мама так когда-то решила.

Отец вздохнул.

— Надеюсь, тебе хватит такта не поднимать сейчас эту тему при матери. Поговори с врачом, он приехал специально, чтобы оценить твоё состояние. Ты справишься? — спросил он, а когда Дервин уверенно кивнул, ободряюще улыбнулся: — Главное — не делай резких движе-

ний. Лиоре сейчас нужен полный магический покой. Если она тебе действительно дорога, то просто побудь рядом как друг, а дальше будет видно. Мона, конечно, в шоке от твоего выбора жены, но мы с самого начала договорились о том, что примем любых избранников наших детей. Ну всё, иди.

Дервин заметил Альтару, притаившуюся за приоткрытой дверью соседней комнаты, но вслух ничего не сказал, просто дал знак следовать за ним. Когда отец вернулся в кабинет матери, он шёпотом прокомментировал:

— За подслушивание можно и по ушам получить.

— А можно получить ценные сведения, — парировала она.

— Лиора осталась в библиотеке. Проверишь, как она там?

Тара скептически посмотрела на брата:

— Сам проверь.

— Она сказала, чтобы я ушёл.

— И ты ушёл?

— Ну... да.

— Вот балбес! Иди нарви в оранжерее цветов, вернись и извинись. Только с формулировкой аккуратнее, лучше скажи: «прости меня за всё!». И добавь что-нибудь такое: «когда я смотрю в твои глаза, то не могу думать ни о чём другом и совершаю ошибки». Это должно сработать.

— Но она не хочет меня видеть...

Альтара демонстративно фыркнула и закатила глаза:

— Извиняющегося парня с цветами хочет видеть каждая. Поверь, я бы даже выслушала того, кто ошибся адресом. Есть нечто бесконечно трогательное в нобларах, просящих прощения. Только цветы рви без шипов, возьми какие-нибудь понежнее, чтобы если она тебя обогреет букетом по роже, то не поцарапает. Хотя знаешь что? Возьми с шипами, пусть поцарапает!

— Лиора не такая, — сказал Дервин и на душе почему-то стало очень тепло.

Она действительно не такая, он с трудом представлял, чтобы она сделала нечто подобное. Слишком добрая. Ей и цветы будет жаль, и его рожу.

— Иди. Я пока отвлеку родителей, напомню им, кто из их отпрысков на самом деле паршивая безрогая коза.

— Может, не надо?

— Очень даже надо! У меня день рождения совсем скоро, вдруг они забыли о моих блестящих планах? Может, стрясу с них разрешение поступить на боевой факультет под соусом того, что я хотя бы не вышла замуж за Боллара, — съехидничала она. — Кстати, какой он? Симпатичный?

— Не знаю, я не ценитель мужской красоты, — ответил Дервин. — Но взгляд у него такой же бешеный, как у Кайры. Ну, знаешь, взгляд человека, способного на что угодно. Абсолютно на что угодно.

— Повезло тебе с шурином, — залиvisto рассмеялась Альтара. — Смотри, чтобы он тебя не покалечил.

— Он может, — подумав, признал Дервин. — Причём не только меня, но и Лиру. За неповиновение.

— Иди, пока Лира от тебя не сбежала. А то улетит домой с сестрой и Блайнерами, будешь потом её искать, — подсказала Альтара, и Дервин вдруг занервничал настолько сильно, что аж вспотел.

А что если Лира правда возьмёт и уедет от него?

От этой мысли его бросило в знакомый жар и снова показалось, будто в кровь кто-то сыпанул жгучего перца.

Он хромой рысцой кинулся в оранжерею.

Какие цветы любит Лира? Он понятия не имел, да и цветочным «языком» владел плохо. Он никогда всерьёз не ухаживал за девушкой, поэтому сейчас замер, судорожно вспоминая, что означают розанны. Там же ведь не только цветов, но и его цвет имеет значение. Красные чем-то определённо отличаются от белых и тем более — от жёлтых. А хенбаны? У них ядовитые лепестки, причём чем белее, тем больше концентрация яда. Это, наверное, что-то плохое?

Стоило спросить у Альтары, но с неё станется разыграть его и подсказать что-нибудь максимально двусмысленное.

Отец наверняка знал, но вряд ли родители оценили бы его намерения, ворвись он в кабинет матери, чтобы спросить, какие цветы из домашней оранжереи лучше подарить новоиспечённой жене из рода Боллар. В такой ситуации Моэра Местр может и послать. В лес. За гербарием из сосновых шишек.

Так и не вспомнив ничего толкового, Дервин принял тактическое решение работать на удержание и нарвал огромный букет всех цветов всех расцветок. Пусть Лира запутается, пытаясь понять, что именно он имел в виду, а Дервин пока придумает, чем ещё её запутать и отвлечь, чтобы никуда не сбежала. А там настанет время рассветника, после — будет пора спать, и если очень повезёт, то к вечеру следующего дня его кузены и её сестра уедут, а они останутся вдвоём и как-нибудь со всей этой ерундой разберутся.

Дервин наконец дохромал от оранжереи до библиотеки, вошёл, прижимая к себе букет и проговаривая про себя слова извинений, но внутри оказалось пусто.

— Лира? Лира, ты здесь? — позвал он, однако ответом ему служила тишина.

Глава 28

Первое новебриля. За два часа до полуночи Дервин Местр

В первую секунду Дервина накрыло дикой паникой, что Лира улетела и он больше никогда её не увидит.

Его снова бросило в тот самый жар, но он постарался не поддаваться ему, вместо этого на всякий случай осмотрел библиотеку ещё раз, и жена обнаружилась в самом её дальнем закутке, сидящая на широком подоконнике и отгородившаяся от мира гардиной. Она сосредоточенно что-то писала, и несколько мгновений он просто любовался ею, а потом решил не отвлекать. Она настолько погрузилась в своё занятие, что даже не заметила, как он подошёл.

Наклон её головы и запутавшиеся в светлых волосах лунные лучи напомнили о том, как он разглядывал Лиру впервые. Нахлынуло знакомое чувство восхищения, толкающее встать перед ней на колени, целовать руки и обещать положить к ногам весь мир.

А ещё он очень чётко осознал, что ни за что не отпустит её без борьбы, без попытки завоевать доверие и расположение.

— Лира? — тихонько позвал он, но она не услышала, будучи слишком сосредоточенной, и он не стал её тормошить, просто наблюдал.

Когда она наконец дописала, то внимательно перечитала письмо, что-то размашисто в нём начеркала и только после этого оторвала от него взгляд, а затем вздрогнула, заметив Дервина.

— Лира, извини, что отвлекаю, — он протянул ей цветы, и когда она их приняла, добавил: — Прости меня, пожалуйста.

— За что? — озадаченно спросила она.

— За всё, — уверенно ответил он и коснулся её руки: — Только не улетай никуда, ладно? Я сейчас закончу одно дело и свожу тебя за покупками.

Магия предложения свозить за покупками сработала безотказно. Лира неуверенно улыбнулась в ответ и сказала:

— Ну ладно... И город покажешь?

— Обязательно, — с готовностью пообещал Дервин. — А ещё можешь не бояться моей мамы, она не причинит тебе вреда и злится только на меня.

К последним словам жена явно отнеслась с долей скепсиса, однако спорить не стала. Он взял её за правую руку и поцеловал ладошку, щедро дарившую ему жизненные силы, утешение и нежность.

Лира не только не вырвала руку, но ещё и погладила его по щеке, отчего он весь наполнился воодушевлением и надеждой. Он мысленно снова назвал её женой, посмаковал это слово, принадлежащее к какой-то другой, не совсем его жизни, но неожиданно место для него нашлось, образовалось само где-то под сердцем.

У Дервина никогда не было отношений с девушкой, и он не очень хорошо понимал, что именно должен делать.

Вряд ли с ней можно вести себя, как с младшей сестрой: завернуть в покрывало, щекотать и лохматить, пока та не задохнётся от смеха и не пообещает больше никогда не подкладывать репейники ему в постель. Или всё-таки можно?

Почему-то подумалось, что Лира тоже не против подурачиться, только как проверить? И спрашивают ли о таких вещах? А если спрашивают, то как? Дорогая супруга, как вы смотрите на перспективу быть защекоченной до изнеможения?

Хотя, если уж быть совсем откровенным с собой, щекотать жену как раз и не хотелось. Хотелось обнять, гладить, усадить себе на колени, ощутить запах и тепло её кожи, наконец нормально поговорить, спросить о том, что она думает и чувствует.

Вот только для этого вроде как не время и не место. Не местро.

Оставлять жену во второй раз за ночь не хотелось ещё сильнее, однако Дервин помнил, что его ждёт незнакомый целитель, перед которым уже становилось неловко — слишком неуважительно заставлять его мариноваться в приёмной так долго.

— Как думаешь, твоя мама согласится дать мне схему ритуала, с помощью которого она сняла с тебя проклятие? — спросила Лира.

— Если мама не согласится, то позже я найду способ её достать.

— Маму? — фыркнула Лира.

— Схему, — улыбнулся он. — Боюсь, что маму я достал уже давно.

— Ладно. Показывай, где её кабинет.

— Идём.

На выходе из библиотеки Дервин передал жену вместе с букетом в руки сестры, а сам направился на встречу с врачом, от которой ничего особенно не ожидал.

Чувствовал он себя вполне сносно, ногу Лира собрала так, что даже императорский целитель решил не вмешиваться. Проклятие снято, жена его на удивление даже не возненавидела. Терзало лишь чувство вины за то, что мать лишилась дара, однако никакие зелья от этого помочь не могли.

Врач ожидал в небольшой приёмной, примыкающей к вестибюлю, лишившемуся своей люстры. Дервин внезапно вспомнил её полёт, но тут же отогнал от себя неприятные мысли. Всё же обошлось, а он — боевой маг и вообще не должен обращать внимание на такие мелочи, как падающие люстры.

Сухопарый мужчина в годах внимательно читал какой-то документ и степенно поздоровался, когда заметил присутствие Дервина.

Что удивило во внешности гостя больше всего — так это два блестящих круглых куска стекла в тонкой проволочной оправе, плотно сидящей на носу. Дервин недоумённо рассматривал узкое интеллигентное лицо целителя с неяркой височной печатью, свидетельствующей о слабом даре.

Поздоровавшись, Дервин сел напротив, не совсем понимая, что делать. На обычный приём у целителя это никак не походило. Врач даже не притронулся к нему, не говоря уж о применении диагностического заклинания. Вместо этого он представился и посмотрел на пациента сквозь стёкла перед глазами.

Дервин наконец догадался:

— Это какой-то необычный диагностический артефакт?

— Вовсе нет. Это окуляры.

— И для чего они нужны? — с любопытством спросил Дервин.

— Ни для чего, — невозмутимо ответил целитель.

— А... а зачем вы тогда их носите?

— Знаете, юноша, это на самом деле презабавная история. Много лет назад, когда я только начинал работу в клинике, у меня был пациент. Чужеземец, который испытывал огромные сложности, адаптируясь к нашему миру. Один из тиков, который у него был, — странное движение пальцем по восходящей от кончика носа к переносице. Оказалось, что в своём мире он привык носить и поправлять окуляры, однако в Доваре необходимость в этом отпала, ведь лечение близорукости обходится не так уж дорого, а наложить требуемое заклинание способен почти каждый целитель. Лишившись окуляров и не испытывая в них больше физической потребности, мой пациент испытывал глубочайшие моральные страдания из-за их отсутствия.

Тогда я порекомендовал ему заказать простые стёкла и носить их, несмотря на то, что ему это не требовалось.

— И это помогло ему?

— Нет, это сделало ещё хуже, потому что подчёркивало его инаковость и лишь усугубляло невозможность адаптироваться. Когда стало ясно, что дело может закончиться попыткой суицида, я заказал такие же окуляры для себя и пригласил его на беседу. В ту ночь у нас случился небольшой прорыв, и постепенно он встал на путь выздоровления.

— Так зачем вам эти окуляры сейчас?

— Они помогают мне отделять рабочее время от семейного. Как только я снимаю их, я перестаю быть целителем душ и становлюсь обычным полуночником со скверным характером и пристрастием к чтению дурно написанных детективов, — в голосе чувствовалась самоирония. — Но гораздо важнее, что окуляры напоминают мне об огромной разнице, лежащей между «должен», «хочу» и «могу». Я не должен их носить, но хочу это делать, могу и поэтому ношу. К примеру, сейчас я должен с вами побеседовать, но хочу прогуляться. Однако я могу это совместить, поэтому надевайте пальто, ноблард Местр, и извольте показать мне ваш парк, пока мы беседуем.

Дервин хотел вернуться к Лире, однако должен был поговорить с врачом, и две эти вещи отнюдь не совмещались друг с другом.

На улице было холодно и ветрено, но хотя бы не дождливо. Время приближалось к полуночи, Луноликая играла в прятки — то скрывалась за тучками, серебра их краешки, то выглядывала из-за них, дразня лучами.

— Насколько я мог наблюдать за свою практику, проблема человека всегда в том, что его «должен», «хочу» и «могу» категорически не совпадают. Один хочет содержать семью и должен это делать, но не может. Другой хочет быть с понравившейся женщиной, но не должен изменять жене и не может нарушить брачную клятву. Третий может и должен управлять семейным предприятием, но не хочет этого делать.

— Если мужчина должен, то не имеет значения, чего он хочет, — ответил Дервин.

— Заблуждение, ведущее напрямую к неврозу и ранней смерти, — прокомментировал целитель. — Если жизнь человека состоит лишь из того, что он должен, то она имеет тенденцию укорачиваться. Ну, знаете, человек подсознательно хочет поскорее закончить со всеми обязанностями и заболеть или умереть, чтобы от него наконец отстали.

Дервин молчал, хотя слова собеседника попали точно в цель.

— А если то, чего человек хочет, противоречит тому, что он должен?

— Нужно искать способы совместить «хочу» и «должен», попутно превратив их в «могу». Вот чего хотите вы, ноблард Местр?

— Хочу... хочу... чтобы Лира согласилась остаться в браке со мной. Хочу нравиться ей. Хочу вернуться на службу в часть. Хочу, чтобы мама меня простила. И чтобы у неё восстановился дар.

— Прекрасно! Вы удивитесь, как много пациентов не знают, чего они хотят, и не способны сформулировать свои желания. Поверьте, научиться хотеть порой во сто крат сложнее, чем научиться мочь. Вам же достаточно всего лишь сесть и подумать, что вы можете сделать, чтобы получить желаемое.

— А как насчёт того, что я должен?

— А что вы должны?

— Извиниться перед Кимом за угон маголёта, — подумав, ответил Дервин.

— А Ким — это у нас кто? — любопытно спросил целитель, а когда получил ответ, заключил: — Так разве это не удачное совпадение между тем, что вы должны делать, и тем, что можете сделать для возвращения в часть?

— Да, так и есть. Я уже думал об этом. Проблема в том, что Ким бывает очень принципиальным и вполне может выгнать меня из эскадрильи за то, что я учинил. В назидание остальным.

— Может или должен? — уточнил целитель, а Дервин впервые всерьёз задумался о разнице.

Дальше беседа потекла сама собой. Отмеряя шаги по дорожкам парка, они заговорили сначала о прошлом. О матери, о проклятии, о службе, о Лиоре, о хромоте — обо всём, что волновало Дервина. А потом как-то естественно перешли на будущее — о том, чего он хочет, что должен и что может сделать.

В голове наконец появилась ясность, мысли словно сами распределились по местам, а вернее даже по местрám. Или мéстрам?

Внезапно оказалось, что в его «хочу», «могу» и «должен» не так уж мало совпадений. К примеру, он хотел заботиться о Лире, должен был делать это как её муж и друг, а также имел все возможности это делать, ведь она находилась рядом и не отталкивала его. Такая простая мысль стала неожиданно важным озарением, и он поделился открытием с собеседником, а тот улыбнулся:

— Озарение обычно случается именно тогда, когда чья-то сложная мысль превращается в свою, простую и понятную.

Некоторое время они шли молча.

Дервин всё ещё наслаждался ощущением порядка в голове, какой-то внутренней чистоты и правильности.

— Когда появится минутка, советую взять два чистых листочка и выполнить упражнение. На первом в три столбика выписать ваши хотения, могуния и должения. А на втором — попробовать соединить их в нечто зримое и приемлемое. Найти точки соприкосновения. К примеру, я должен помогать пациентам, однако сам выбираю, как именно я хочу это делать. Многие из них требуют постоянного внимания, некоторые настаивают на том, чтобы я принимал их в середине дня. Но если бы я согласился на подобное и поставил свой долг перед ними выше, чем свои потребности, то очень быстро потерял бы сон, аппетит и силы помогать хоть кому-то. Я ведь очень слабый целитель... — усмехнулся он. — Целитель с практически нулевым даром. Однако это не помешало мне лечить людей. Я нашёл гармонию между тем, что хочу, могу и должен делать. И если вы спросите меня определение счастья, то я скажу, что именно эта гармония им и является. А окуляры — её символизируют.

Он снял их, достал из кармана бархатистый платочек, аккуратно протёр стёкла, а потом надел обратно.

— Да, эти окуляры всегда вызывают массу вопросов, иногда теряются, ломаются или даже становятся причиной ссор с моей дражайшей супругой. Сами по себе они не имеют ценности и смысла, однако я наделил их таковыми. Кроме того, они являются отличным пособием для работы с пациентами.

— Иногда сложные вещи гораздо проще объяснить, приводя простые примеры?

— И это тоже. Хотя чаще меня интересует реакция пациента на них. Вы удивитесь, сколько раз их пытались у меня украсть, сломать или разбить. Некоторых людей отчаянно бесят любые проявления инаковости, но лично для меня это в первую очередь симптом того, что они живут не так, как хотят, а так, как должны, причём должны даже не себе, а кому-то другому. Родителям. Обществу. Государству. И вот эти люди втискивают себя в рамки, изнуряют самонавязанными обязанностями, в итоге чувствуют себя несчастными и загнанными. А потом видят тех, кто нарушает принятые ими правила, и срываются.

— Но если каждый будет делать лишь то, что он хочет, не будет ни родительства, ни общества, ни государства. Правила нужны.

— Безусловно. И ваша задача, юноша, — это найти способ соблюдать их, не ломая себя об колено. Учитывая некоторые особенности вашей психики, я бы сказал, что это буквально залог вашего выживания.

— А что не так с моей психикой?

— Всё так. Просто учитывайте её особенности. Знаете, это как рост. Вот такой у вас рост, вы не можете его изменить и вынуждены научиться принимать его со всеми достоинствами и недостатками. Думаю, среди дам он является преимуществом, а вот в ограниченном пространстве кабины маголёта — недостатком. Наслаждайтесь сильными сторонами ваших природных данных, а на слабых старайтесь не заикливаться, особенно если не можете их изменить.

— И в чём особенности моей психики?

— В числе прочего, я бы сказал, что у вас обострено чувство справедливости, а также вы склонны сосредотачиваться на одной цели до такой степени, что перестаёте видеть общую картину. Подумайте, как обернуть эти качества себе на пользу. Ваша целеустремлённость — определённо сильная сторона, просто почаще останавливайтесь и спрашивайте себя: не упускаете ли вы чего-то важного.

Время давно перевалило за полночь, у Дервина замёрзли уши, но разговор с лардоном Фреалзером был настолько важным и интересным, что он игнорировал холод.

— Лиора считает, что у меня случился психоз.

— Хорошая попытка оправдать ваши действия и позволить вам не нести за них ответственности, — иронично заметил целитель. — А вы сами как считаете?

— Знаете... не думаю, что это был психоз, однако... нормальным своё поведение и состояние я бы тоже не назвал. Словно я провалился в мутную воду, изо всех сил пытался выплыть на поверхность, но смог сделать это только сегодня.

— Вы пытаетесь описать то, что я бы назвал неким видом среднепродолжительного аффекта. Такие иногда возникают после потери близкого человека или обнаружения измены. В таких случаях люди совершают самые разные поступки. Нести за них ответственность всё равно придётся, однако я считаю подобное состояние смягчающим обстоятельством. Мне любопытно поговорить с вашей матерью, интересно, не наложила ли она проклятие, находясь под влиянием подобного аффекта.

Дервин замер на месте, будто споткнулся о воздух, а целитель смотрел на него с той странной, всепрощающей ироничной пронизательностью, которая побуждала открыться ему ещё сильнее.

— Вы думаете?... Вы думаете, что она просто...

— Просто очень хотела отомстить, не заботясь о цене этой мести, а в дальнейшем — успешно отрицала свою неправоту, чтобы не жить с чувством вины и не нести ответственность за последствия, с которыми она не способна справиться. Очень понятный и логичный механизм защиты психики, у каждого из нас такой есть. Я вот, знаете ли, тоже крайне неохотно признаю свою неправоту, особенно если дело касается работы.

— Как вы думаете, я мог... мог... ну... выбрать Лиру именно потому, что знал, что матери такой выбор не понравится?

— Вам виднее, могли или нет, — отозвался целитель. — Вам также виднее, обижены ли вы на мать за то, что она наложила проклятие, столь сильно повлиявшее на вашу жизнь, и стал ли ваш брак попыткой действовать в отместку.

Подумав, Дервин сказал:

— Если бы дело было лишь в желании жениться на Боллар в качестве протеста, я бы попытался жениться на Кайре. Наверное. Но она никогда мне не нравилась, если честно, даже немного пугала своей неженственностью и безбашенностью. А Лира — она не такая. Она необыкновенно добрая. Она, возможно, лишилась дара, отдав силы на то, чтобы выжила мама. Нет, Лира мне дорога не потому, что брак с ней разозлит маму. Она нравится мне сама по себе.

— А вот это действительно хорошо, — неожиданно серьёзно кивнул целитель. — Думаю, на этом мы на сегодня и закончим. Время уже позднее, и хотя я выставлю вашему отцу счёт за почасовую оплату, всё же пора и честь знать. Напоминаю вам об упражнении, а также предлагаю встретиться ещё раз. Думаю, наши беседы способны пойти вам на пользу. Я также рекомендую вам принимать успокоительное. Пришлю пару вариантов, подберёте себе то, которое не сделает вас сонным в течение ночи, всё же реакции на успокоительные очень индивидуальны.

Лардон Фреалзер стоял, засунув руки в глубокие карманы кашемирового пальто, а Геста отражалась в его окулярах, словно вместо глаз у него были луны.

— Быть может, Лире тоже стоит поговорить с вами? Ей тоже пришлось непросто...

— Боюсь, что в данном случае это будет неким конфликтом интересов, кроме того, вынужден признать очень болезненную правду: в мужчинах и их потребностях я вроде бы неплохо научился разбираться, а вот женский разум остаётся для меня загадочным лабиринтом, особенно если речь идёт о разуме юной девушки. Мой вам совет: говорите с вашей супругой сами. Как можно больше и как можно чаще. Не отмахивайтесь от её самых непонятных переживаний и не пытайтесь решать её проблемы, если она об этом не просит. Но если просит... — целитель хитро сощурился и сделал многозначительную паузу, — тогда откладывайте всё и кидайтесь их решать со всех ног. И до встречи, ноблард Местр.

— Погодите, лардон Фреалзер. Как мы сможем встретиться, если мне нужно будет вернуться в столицу?

— Пишите письма, ноблард Местр, — подумав, ответил тот. — Каждый день. Вам даже не обязательно их отправлять, просто пишите. Это помогает. И удачи вам. Искренне желаю, чтобы ваше «хочу» как можно чаще совпадало с «могу».

Поправив окуляры, целитель кивнул на прощание и направился в сторону своего магомобиля, припаркованного недалеко от входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.